ДВАДЦАТЬ ДВА НЕСЧАСТЬЯ 14

СУГРАЛИНОВ Д.,
ФОНД А.

18+

Данияр Сугралинов

Двадцать два несчастья. Книга 14

«Автор»
«Автор»
2026

Сугралинов Д.

Двадцать два несчастья. Книга 14 / Д. Сугралинов — «Автор», «Автор», 2026

У Епиходова несчастья — двадцать два подряд,Но враги от этих бед в панике бежат!Фортуна! Лотерея! В жизни как в кино,Но не как в кино Здесь все предрешено!У Таисии на шоу выдал весь расклад,Зал захлопал, крикнул «Браво!», рейтинги летят!Он научное наследье из пепла возродил,Детям, близким и друзьям щедро подсобил!Все несчастья испарились, сгинула беда,Епиходов — победитель раз и навсегда!

© Сугралинов Д., 2026
© Автор, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Пивасик 5
Глава 1 7
Глава 2 12
Глава 3 18
Глава 4 23
Интерлюдия 1. Роман Михайленко 30
Глава 5 33
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Фонд А.
Двадцать два несчастья. Книга 14

Пролог. Пивасик

Будучи еще совсем зеленым птенцом, пролетая мимо православного храма, Пивасик услышал небольшой кусочек проповеди: там сухонький старичок в черной рясе вещал людям, мол, придут ангелы, и будут они с крыльями, защитят вас и оберегать станут. Правда, звучало оно примерно так: «…яко Ангелом Своим заповесть о тебе, сохранити тя во всех путех твоих…» — но общий смысл уловить было можно.

Пивасик внимательно посмотрел на свои крылья и убедился, что он ангел и что теперь его миссия — защищать и оберегать.

Впрочем, здесь следует сказать, что в то время Пивасик был еще не Пивасиком, а самым что ни на есть Фердинандом-Паскуалем-Гаспаром Третьим.

Жил он тогда у одного довольно известного в узких кругах дирижера небольшого симфонического оркестра, который очень любил читать стихи Бродского про то, как ангелы плачут, но также регулярно по ночам вслух перечитывал Марселя Пруста, у которого ангел почему-то всегда был золотым и гнездился на кампаниле Сан-Марко. Жизнь там была хоть и скучной, но недолгой: дирижер куда-то скоропостижно подевался, а его благодарные потомки тотчас выпустили Фердинанда-Паскуаля-Гаспара Третьего на волю прямо посреди ноября. Он полетал немного по холодной Казани и вскоре присел отдохнуть в какой-то беседке. Где и был пойман отдельными представителями семейства Петровых, которые назвали его Пивасиком, заперли в клетку и принялись учить своему лексикону.

С тех пор Пивасик, бывший Фердинанд-Паскуаль-Гаспар Третий, познакомился с репертуаром Михаила Круга, с малым петровским загибом и многочисленными перлами народного творчества. Поэтому лексикон у Пивасика, как у всякого добропорядочного ангела, был теперь достаточно обширным: от поэзии Бродского до вологодских срамных частушек.

Жизнь у Петровых была хоть и веселой, но тоже непродолжительной. И вот когда они однажды угорели всем семейством, Пивасик, внимательно приглядываясь к постояльцам во дворе, приметил Сергея Епиходова и сразу понял, что именно этот несчастный суслик срочно нуждается в его защите и охране.

Приняв такое решение, небесный посланник Пивасик снизошел к нему прямо в открытую форточку, чтобы осенить его своим ангельским покровительством. С тех пор он поселился у Сереги Епиходова и еще ни дня не жалел о том, что сделал такой выбор.

Епиходов был довольно непоседливым сусликом и постоянно мотался туда-сюда в поисках приключений на свою задницу. Вокруг него крутились разные существа, от юного птенца Валеры, у которого еще даже крылья не выросли, до жирнопопого суслика Танюхи, которые пользовались добротой его подопечного. И лишь Пивасик пытался, будучи ангелом с крыльями, как-то отсеивать эту публику, но не всегда получалось хорошо: подходящих к случаю слов в его запасе было не так много, хотя тот регулярно пополнялся все новыми и новыми выражениями.

И сейчас Пивасик сидел на своей этажерке, которую отвоевал еще во времена флигеля, и наблюдал за глупой сценой между двумя двуногими сусликами, одного из которых звали тетя Нина, а другого — Чепайкин. Эти суслики играли брачные игры, но так вяло и неэнергично, что Пивасик вскоре окончательно заскучал. Когда Чепайкин попытался сыграть на гармошке какую-то ерунду, Пивасик не выдержал и в попытке хоть как-то приободрить беднягу подсказал частушку:

— У банана сладкий вкус, словно дыня иль арбуз. А по форме он похож… Не скажу, едрена вошь!

Чепайкин икнул, его гармошка с глухим стуком свалилась на пол.

Тогда Пивасик посоветовал еще одну частушку, чтобы дело пошло веселее:

— Меня милый провожал в поле, за сарайчиком. И к стене стал прижимать нестандартным пальчиком!

Голос Пивасика был слышен даже в коридоре, и находящиеся там люди засмеялись. Чепайкин покраснел, а тетя Нина сердито замахнулась полотенцем. Но Пивасик ее не боялся: тетя Нина была хоть и суровым сусликом, но добрым, она больше пугала, чем по-настоящему могла причинить вред. Не так, как раньше, когда он жил у Петровых и они могли просто ради интереса начать выдергивать у него перья или пробовать поджигать их. А тетя Нина только понарошку ругалась, зато каждый день кормила вкусным и полезным витаминизированным кормом, поэтому Пивасик прикрыл один глаз и в очередной раз задумался о том, когда же вернется родной суслик Епиходов.

Все-таки без него становилось как-то тяжко на душе.

Видимо, и ангелам иногда бывает одиноко…

Глава 1

— Здравствуйте, коллеги! Заседание Ученого совета номер один объявляю открытым! — Голос председателя и по совместительству директора института нейрохирургии прогромыхал по всему огромному конференц-залу, отражаясь от мраморных колонн.

Зал был набит битком. Длинный овальный стол, стоящий посередине, за которым восседали члены ученого совета, был завален документацией. Ученый секретарь, что примостилась рядом с председателем и старательно вела протокол, окинула всех внимательным взглядом, проверяя, есть ли кворум. Кворум был, пришли все, причем настолько все, что, кроме членов ученого совета, явились приглашенные научные сотрудники, аспиранты, лаборанты и прочая околонаучная публика. Эта толпа забила все десять рядов стульев по обе стороны от овального стола. Для некоторых мест все равно не хватило, но так как стоять было нельзя, они притащили стулья из соседних кабинетов, и в проходах тоже теснились люди.

Я сидел почти у самого окна, чуть в стороне, затерявшись в толпе других аспирантов. За макушками парней интерактивную доску было плохо видно. Я вытянул шею и присмотрелся: на ней высветилась повестка заседания.

И когда я увидел ее, честно говоря, меня охватило странное тревожное чувство. Обычно ученый секретарь, согласно Уставу учреждения, вывешивал на сайте повестку за десять дней до начала ученого совета. Но так как в этот раз наш директор был нарасхват, а новый год только-только начался и не все отошли от каникул, регламент был нарушен, и Стефания не успела этого сделать. Поэтому на ученый совет люди шли, в большинстве своем не зная, что за вопросы будут рассматриваться.

В принципе, на первом заседании традиционно ставили вопрос о планах на следующий год. И действительно, в этой повестке тоже стоял доклад директора о планах института нейрохирургии — с регламентом выступления в десять минут. Следующим шел доклад замдиректора по хозяйственной части об изменениях в материальном обеспечении, о всяких там канцелярских принадлежностях и так далее, с регламентом в пять минут.

Но больше всего меня поразило то, что следующим стоял доклад Лысоткина «Церебральный апоптоз как эволюционный императив. Методы нейрохирургической и векторной модификации нейронального хронотипа». Причем его доклад был заявлен аж на час двадцать минут. И только последним вопросом стояло «Разное».

О том, что планируется рокировка в аспирантуре, не было сказано ничего, что удивительно. Обычно, насколько я помню еще по своей прошлой жизни, если в аспирантуре возникали какие-то вопросы, которые выносились на ученый совет, они в обязательном порядке должны были идти отдельно. Потому что потом предстояло делать выписку из протокола в общую папку для ВАКа. Поэтому заваспирантурой всегда старалась оформить вопрос в повестке правильно.

Сейчас же о том, что меня переводят к Лысоткину, а Елисей Ротонос выбыл из аспирантов-очников и идет на соискательство к Марусе Епиходовой, ни слова не говорилось. Ничего вообще не было. Зато доклад Лысоткина занимал практически все время заседания.

Ну ладно, будем посмотреть.

Пока секретарь ученого совета раздавала явочные листы, на которых все должны были расписаться, кто член ученого совета и кто приглашенный, я окинул взглядом переполненное помещение.

В самом дальнем конце сидела Лиза Перепечкина, и вид у нее был печальный и немного надутый. Поодаль, в гуще других аспиранток и лаборанток, находилась Марина Носик. Держалась она отстраненно, но в ее глазах нет-нет да и проскакивал колоссальный триумф. Я мыс-

ленно хмыкнул: видимо, в схватке победила она. Хотя, зная Лизу, далеко не факт. А ее досада вполне может быть продиктована помятым бантом на вороте блузки.

Но в любом случае выводить девчонок из френдзоны я не собирался.

Михайленко, который в состав ученого совета пока еще не входил, сидел в первом ряду. Рядом с ним устроилась Лада Горобец, которая пристально смотрела на меня. И когда мы встретились глазами, смерила меня высокомерным и презрительным взглядом, повернулась к Михайленко и что-то прошептала ему на ухо.

Я сегодня пришел на пару минут раньше, и помощник ученого секретаря как раз расставляла таблички с именами членов ученого совета на столе, а также раскладывала распечатанные повестки заседания. Видя, что девушка не успевает, я, повинуясь какому-то внутреннему чувству, подошел к ней и сказал:

— Давайте я вам помогу.

Она с благодарностью взглянула на меня, кивнула, ни слова не говоря, ткнула мне в руки пачку повесток, а сама принялась расставлять таблички дальше. Я шел за ней и раскладывал повестки и еще какие-то бюллетени для голосования.

— Что, Епиходов уже и тут подмазался! — услышал я ехидный женский голос. Повернул голову — Горобец. Как же она меня заколебала.

Но препираться с ней было не время. Ставки слишком высоки, чтобы ради мимолетного пестования ЧСВ и расправы над простой пешкой жертвовать судьбой ферзя. Поэтому я ничего не сказал. Очевидно, сам того не желая, я задел ее чувства, потому что она злобно фыркнула. И сейчас что-то наговаривала на меня Михайленко.

Тот выслушал Горобец, кивнул, затем посмотрел на меня, но по его бесстрастному лицу ничего прочесть было нельзя.

Лысоткин восседал за овальным столом, причем пристроился поближе к председателю ученого совета, явно потеснив Петрова-Чхве и открыто демонстрируя, что он сейчас у руководства в фаворе. В белой рубашке и костюме с галстуком выглядел он как именинник на своем юбилее. При этом вид имел донельзя заносчивый. Он перебирал листы доклада, очевидно, просматривая какие-то места и освежая их в памяти.

«Ну-ну, посмотрим». — Я невольно подобрался, потому что именно сегодня решалось все.

Напротив, в дальнем углу, сидела моя дочь Маруся — бледная и явно расстроенная. Губы ее дрожали — это было видно даже из моего угла. Она нервно комкала платочек в руках и умоляюще поглядывала на меня. Я ей подмигнул, показывая, что все под контролем. Терновский тоже сидел за овальным столом, так как входил в ученый совет, и, нахмурившись, что-то торопливо набирал в телефоне. Волновался ли он, я сказать не мог, слишком далеко для считывания эмоций эмпатическим модулем Системы.

Кстати, отношение в институте сейчас было ко мне все еще напряженное, однако чуток потеплело. Уже не было откровенно враждебных взглядов, да и игнорировать меня перестали: просто молча кивали на мое приветствие или даже здоровались нормально. Но я считал, что худой мир лучше хорошей войны, поэтому в принципе был вполне доволен.

Когда формальности были завершены и ученый секретарь отчиталась председателю ученого совета о том, что все в сборе, кворум есть, и зачитала повестку, заседание началось.

— Итак, коллеги, — сказал директор, чуть прокашлялся и окинул зал пристальным взглядом. — Давайте поговорим о наших планах на новый год.

И он принялся нудно и монотонно рассказывать. Народ ерзал от нетерпения, все поглядывали на раздувающегося от гордости и сверкающего, как новогодняя елка, Лысоткина, и градус напряжения в зале постепенно повышался.

Хоть директор и должен был рассказать все планы за десять минут — о них и так все знали, потому что составляли их в каждом отделе, — он вдруг принялся комментировать

работу каждой кафедры, и поэтому его доклад растянулся почти на полчаса. За это время я думал, что поседею, и с надеждой ждал, что хоть следующий докладчик, замдиректора по хозяйственной части, уложится в две-три минуты.

Однако и тут обманулся в ожиданиях.

Когда директор наконец иссяк и было решено принять к сведению информацию о планах на двадцать шестой год, а также отдельно распределить задания по кафедрам, к трибуне вышел толстяк, наш завхоз. Он начал монотонно бубнить о том, что лимиты на канцелярские товары в этом году будут ограничены, поэтому количество пачек бумаги на человека уменьшится. И отныне всем нам нужно будет внутренние документы печатать с двух сторон на черновиках, а черновики для этого собирать и не выбрасывать. Он нес всю эту ерунду минут двадцать. Присутствующие уже начали зевать и переглядываться, в зале возник глухой шум, а я сидел и внутренне проговаривал свою речь. Готовился к бою.

И вот наконец председатель сказал:

— Уважаемые коллеги! Сегодня у нас, по сути, все заседание — это бенефис нашего прекрасного ученого Казимира Сигизмундовича Лысоткина, известного профессора нейрохирургии, который явно уже должен быть академиком, раз сделал такое мощное открытие. Мне особо приятно отметить, что именно наш коллега, сотрудник нашего института сформулировал мощную теорию по антистарению! И мы думаем, что благодаря этой теории, которую он вам сейчас обрисует, наш институт, работающий под моим руководством, займет достойное место среди мировых лидеров по исследованию процессов старения. И вот сейчас я прошу внимания! Пожалуйста, Казимир Сигизмундович, мы вас слушаем. У вас регламент чуть больше часа, но прошу оставить хотя бы минут десять на вопросы.

Зал вяло зааплодировал, все напряглись, и Лысоткин, выпятив грудь, вышел к трибуне.

— Уважаемые коллеги! — зычно сказал он, аж звеня от сдерживаемых эмоций. — Благодарю за то, что вы сегодня собрались здесь сразу после новогодних праздников, чтобы послушать мою теорию! Эти данные мне удалось получить за много лет кропотливой работы! Коллеги, прежде чем я начну свой доклад, хочу попросить, чтобы вы обратили внимание на название моего доклада.

Он махнул рукой, и на интерактивной доске высветилось заявленное в повестке сложное и длинное название:

«*Церебральный апоптоз как эволюционный императив. Методы нейрохирургической и векторной модификации нейронального хронотипа*».

Я взглянул на лицо Михайленко. Тот сидел весь красный и злой.

Лысоткин насмешливо хмыкнул и сказал:

— В принципе, здесь можно было назвать все по-другому, да и правильнее было бы назвать так: «Зачем природе старость?». Просто и понятно. И вот на этот вопрос я сегодня и отвечу, потому что ответ мною наконец-то найден!

Он опять улыбнулся, и на доске высветился следующий слайд.

— Коллеги, задайте себе такой вопрос: почему эволюция закрепила старение для человека? Ответ, как мы все понимаем, будет довольно циничен. Потому что природе бессмертный индивид, который тормозит приспособляемость вида, не нужен! Тем более если это человек — то есть венец эволюции. Все мы с вами знаем, что старость — это не дефект, а встроенный механизм самоуничтожения, который защищает биосферу и биоразнообразие от застоя и перенаселения. И вот я вдруг обнаружил, что так называемый «мусорный геном», который мы с вами, коллеги, довольно долго считали балластом эволюции, на самом деле является операционной системой данного механизма! То есть он крайне полезен! Кто я такой, чтобы спорить с эволюцией, со Вселенной? Но я, Лысоткин Казимир Сигизмундович, хочу сделать крайне важное и революционное заявление: мы с помощью этой теории перехватили управление у самой эволюции! И теперь человек действительно венец природы!

Лысоткин сделал высокомерную паузу, и зал озадаченно зашумел. Все переглядывались и комментировали. А Лысоткин посмотрел на собравшихся сверху вниз и победно улыбнулся:

— Не думайте, что я говорю это просто так, с потолка!

Публика, конечно же, так не думала, но аргументы послушать хотела, и Лысоткин, выдержав мхатовскую паузу, с готовностью ответил:

— Давайте сейчас вместе с вами подробно разберем мою теорию. Я назвал ее «Теория антистарения Лысоткина». Первый аргумент будет иметь, так сказать, термодинамическую природу. То есть так называемый энергетический барьер. Что до сих пор считалось невозможным из-за второго закона термодинамики. Почему? Потому что энтропия должна расти. Но мы с вами прекрасно знаем, что живая клетка — это открытая система, и я в своей теории доказал, что локальное уменьшение энтропии возможно, если клетка получает избыточную энергию извне!

Зал зашумел, загудел, а Лысоткин, невзирая на шум, приосанился и продолжил рассказывать.

— И вот именно я, повторю еще раз, доказал: локальное уменьшение данной энтропии вполне даже возможно, но только при том условии, если клетка получает избыточную энергию извне. Я разработал специальную формулу, и теперь, благодаря внедрению этого катализатора, клетка работает как квантовый насос — она насильно заставляет митохондрии переходить на сверхэффективный режим эндосимбиоза. Я буквально заново могу зажечь так называемую «электростанцию внутри клеток» и запустить процесс антистарения!

Зал зашумел еще больше, председатель не выдержал и постучал линейкой по графину с водой. Но не все отреагировали, некоторые повскакивали с мест. Петров-Чхве что-то кричал, потрясая кулаками, Терновский схватился за голову и смотрел безумным взглядом на интерактивную доску, где был очередной слайд с презентацией.

Наконец, председателю удалось более-менее навести порядок, и зал притих, а Лысоткин, самодовольно ухмыльнувшись, продолжил:

— И здесь, коллеги, я хотел бы выделить очень важную деталь. Обратите на нее, пожалуйста, особое внимание. Итак, я считаю, что мало омолодить ДНК, при этом нужно куда-то девать токсины, которые накапливаются за период жизни человека, ну, примерно это семьдесят-восемьдесят лет. Поэтому главная проблема прежних попыток омоложения, с моей точки зрения, заключается в том, что старая клетка забита, ну, скажем так, по-простому говоря, по-народному, шлаками, а именно липофусцином и деформированными белками. Если просто заставить ее делиться, она погибнет от токсического шока. Мой прорыв в науке заключается в интеграции механизма гипераутофагии. В первые семьдесят два часа после применения моей формулы клетка утилизирует весь накопленный за жизнь молекулярный мусор, она использует его как строительный материал для регенерации. Таким образом, я, Казимир Лысоткин, смог превратить токсины старости в топливо для молодости!

Он победно оглядел зал, еще сильнее приосанился, а потом сообщил печальным доверительным тоном:

— А самым сложным, дорогие товарищи, был вопрос с нейропластичностью. Наш мозг, мозг взрослого человека, — это ведь, как мы знаем, довольно жесткая система. Омолодить мозг полностью означало бы стереть всю память и навыки, вернув человека в состояние новорожденного. Такое нам категорически не подходит, поэтому я решил эту проблему путем селективного репрограммирования: глиальные клетки и кровеносные сосуды мозга при этом омолаживаются на все сто процентов, обеспечивая идеальное питание. Однако при этом, уважаемые коллеги, ключевые нейронные контуры, отвечающие за долговременную память, так называемая энторинальная кора и гиппокамп, переводятся в режим замораживания структуры. Моя теория позволяет омолаживать биологический субстрат мозга, но сохраняет информационную матрицу личности!

Лысоткин вещал и вещал. Постепенно все притихли, словно бандерлоги перед мудрым Каа, и разве что ему в рот не заглядывали. Когда доклад был окончен, повисло ошеломленное молчание.

— Вопросы есть? — довольный произведенным эффектом, спросил председатель.

Все молчали.

И тут встал я:

— Да. У меня есть вопросы! Точнее, заявление. Я ответственно заявляю, что вся эта теория Лысоткина — фальсификация и лютый бред!

После моих слов зал взорвался.

Глава 2

— Да что вы себе позволяете?! — воскликнул ошеломленный председатель. — Вы кто такой? Как вы вообще смеете так себя вести на ученом совете?!

Я обвел взглядом зал и совершенно спокойным голосом громко сказал:

— Меня зовут Сергей Николаевич Епиходов. Я являюсь аспирантом института нейрохирургии, много лет работаю в этой сфере. Более того, я являюсь последним учеником покойного академика Епиходова и хранителем его научного наследия. Поэтому я смею. Именно я!

Председатель пробормотал что-то невразумительное и продолжал изумленно пялиться на меня. Можно сказать, все присутствующие в этом зале смотрели на меня в крайнем шоке. Лысоткин аж позеленел после моих слов: он рванул узел галстука и тщетно силился что-то сказать. Зато у Михайленко на лице был написан триумф. Но разглядывать остальных я не стал и продолжил:

— Во-первых, если посмотрите на эту так называемую «теорию», которую господин Лысоткин пытался протолкнуть нам как великое открытие, сделанное им лично, вы увидите, что здесь несколько таких ляпов, из-за которых подобное нельзя даже в фантастических фильмах показывать. Засмеют.

Все в зале напряглись, а я начал излагать:

— Я вам это сейчас докажу. Пойдем с первого же тезиса, с которого вы, Казимир Сигизмундович, так красиво начали. Природе, мол, бессмертный индивид не нужен, а старость — «встроенный механизм самоуничтожения», который бережет биосферу от перенаселения. Так вот, это вы не теорию доказали. Это вы приписали эволюции цель. Заявили, мол, естественный отбор не главное. Почему мы стареем, наука обсуждает уже лет шестьдесят: есть мутационное накопление, есть антагонистическая плейотропия, есть компромисс между потомством и починкой собственного тела. Но все это гипотезы, о них до сих пор спорят. А вы взяли самую спорную трактовку, объявили ее с трибуны установленным фактом — и на этом допущении выстроили все остальное.

По залу прошел шумок. Лысоткин дернулся было возразить, но я не дал ему и рта раскрыть:

— Теперь ваш «энергетический барьер». Вы торжественно пытались доказать нам, что клетка может поддерживать внутри себя порядок, если получает энергию извне и сбрасывает энтропию наружу. Поздравляю, Казимир Сигизмундович. Только это не прорыв, ведь ровно этим любая живая клетка занимается каждую секунду, на то она и живая. Открытием было бы объяснение того, какая реакция получает эту вашу избыточную энергию, куда она передается и каким образом обращает вспять уже накопленные повреждения. Вот этого в докладе нет вообще. Вы просто поставили знак равенства между «накормить клетку» и «омолодить клетку».

Я мельком глянул на Лысоткина. Тот сидел неподвижно, только щеки его наливались тяжелой сизой краснотой. Гипертоник со стажем, машинально отметил я. Ничего, ему сегодня еще много чего предстоит выслушать.

— Дальше вы делаете упор на митохондрии, «квантовый насос» и «сверхэффективный режим эндосимбиоза». Казимир Сигизмундович, а с какой стати? На основании чего? Как известно, эндосимбиоз — это происхождение митохондрий. Это не режим. Если же вы имели в виду что-то другое — покажите, какой комплекс дыхательной цепи вы используете, что при этом делается с протонным градиентом и с выходом АТФ, как меняется потребление кислорода. Таких параметров в докладе нет, ни одного. А без них «квантовый насос» — просто два красивых слова, пшик.

Я перевел дыхание. Чуть было не сказал: «У меня в теории ничего этого не было», — и хорошо, что вовремя осекся. Не у меня, а у покойного академика Епиходова.

— Самый главный ляп — это ваша сверхрегенерация. Вы обещаете замену старых тканей новыми в таком темпе, какого физиология просто не знает. Хорошо, допустим на минуту, что это возможно. Но любое созидание требует материалов и топлива, а вы этого не показываете. Значит, покажите расход: сколько кислорода потребляет ваш пациент и сколько тепла выделяет, что у него со скоростью синтеза белка и с азотистым балансом. В расчетах этого нет. Вы просчитали результат, но проигнорировали цену, которую организм за него заплатит.

— Или еще ошибка, — продолжил я. — Казимир Сигизмундович, возьмем ваши же наглядные «доказательства» — исчезновение седины. Вы, видимо, забыли упомянуть, что стержень волоса — мертвая ткань. Если фолликул и вправду омолодился, он может снова растить окрашенный волос, такие случаи описаны. Но седой волос, который уже вырос, задним числом не потемнеет никогда. А если на ваших снимках вчерашние седые десять сантиметров сегодня целиком черные — то это вопрос явно не к науке, а к парикмахеру.

В зале отчетливо рассмеялись, а Лысоткин нервно заозирался.

— Правильно! — закричал кто-то со своего места.

Краем глаза я выхватил из толпы Марусю: она больше не комкала платочек — выпрямилась и смотрела на меня во все глаза. Я окинул зал пристальным взглядом и продолжил:

— А теперь то, что меня удивляет больше всего. Память. Вы предлагаете перевести гиппокамп и энторинальную кору в «режим замораживания структуры» и уверяете, что этим сохраните личность. Я с этой тканью работаю, поэтому спрошу предметно: что именно вы замораживаете — расположение нейронов, силу связей между ними, возбудимость, эпигенетическое состояние? Ведь память — это не файл, который лежит в гиппокампе на полочке. Это распределенная, живая, все время перестраивающаяся система. И если ваше репрограммирование меняет состояние клеток — а оно меняет, иначе какое же это омоложение, — то сохранность памяти положено доказывать экспериментом на животных, в поведенческих тестах. У вас же вместо всего механизма стоит одно слово — «заморозить».

Зал уже не шумел — зал внимательно слушал.

— И наконец, ваши знаменитые семьдесят два часа. Вы утверждаете, что гипераутофагия за трое суток утилизирует весь молекулярный мусор, который человек копил лет семьдесят, включая липофусцин, и даже пускает его на строительный материал. Красиво звучит. Теперь подумайте сами. Куда аутофагия свозит свой груз? В лизосому. А где всю жизнь копится липофусцин? В той же самой лизосоме. Вы в своей теории предлагаете ей переварить то, из-за чего она стала «свалкой», если можно так выразиться. Каким ферментом это будет расщепляться, если у клетки такого фермента нет, и куда вы выведете продукты распада — об этом в теории ни слова. Там просто написано: токсины исчезли.

Я еще говорил и говорил, приводя все новые и новые аргументы. Показал все поддельные места в его стройной теории и ошибки, сознательную подтасовку в тех местах, где не сходилось. Когда я закончил, зал накрыла такая вязкая тишина, что было слышно, как стучат по оконному стеклу хлопья снега.

Председатель сказал, медленно растягивая слова:

— Но позвольте! С чего вы это все нам показываете?

— Да с того, что вот в этой формуле, — я показал на слайд, где была лжеформула Лысоткина, — все расчеты по маркерам антистарения не соответствуют действительности.

— Что вы можете сказать, Казимир Сигизмундович? — посмотрел на него председатель.

Тот промолчал, пожевав губами.

— Да! Давайте спросим у Лысоткина! — закричал Петров-Чхве. — Он нам тут какую-то филькину грамоту пытался втюхать, а когда оппоненты ему начали противоречить, так сразу делает высокомерный вид!

— Правильно! — закричал Терновский, и еще несколько человек его горячо поддержали. — Лажа!

Председатель перевел взгляд на Лысоткина. Тот надулся и гневно выпалил:

— Эта формула была выведена на основании рядов данных. Вся выборка сформирована согласно методике!

— Вот именно, — подтвердил я под недоуменными взглядами коллег. — А в этих данных содержатся четыре глобальные ошибки. Посмотрите сами, — повернулся я к техническому секретарю. — Катерина, можно третий слайд показать на интерактивной доске?

Вспыхнул третий слайд презентации, я протиснулся сквозь плотную толпу аспирантов, вышел на середину, затем шагнул почти вплотную к самой доске и показал:

— Вот, смотрите, коллеги. В этих местах тоже содержатся ошибки, потому что здесь неправильные расчеты.

— Да ладно! — охнул кто-то в первых рядах.

А один старичок, академик Сметанин, приглашенный член ученого совета из санкт-петербургского университета, поднял взгляд от листочка, на котором он все время что-то торопливо писал, и скрипучим голосом прокричал:

— Все правильно! Послушайте! Молодой человек все правильно говорит! Я вот только что пересчитал, и у меня теперь сходится! А Казимир нам тут ерунду какую-то показывал!

Председатель посмотрел на Лысоткина, поджал губы и спросил:

— Казимир Сигизмундович, что вы скажете на это?

Лысоткин еще больше побагровел и закричал:

— Так ведь это ты сам принес мне эти данные!

И тут наступил мой звездный час. Я повернулся к нему и, глядя прямо в мерзкие глаза своего убийцы, сказал:

— Да, Казимир Сигизмундович, все верно. Вы так пытались выманить у меня данные покойного академика Епиходова, которые он собирал всю свою жизнь, что даже не удосужились проверить, что я принес. А я намеренно в этих данных — вот здесь и здесь — сделал ошибку. — Я указал на два места в диаграмме на слайде. — Вы так упивались своей властью, что заглотили эту пустышку не глядя. И сейчас втюхиваете всем хрень. Причем делаете вид, что эти данные получены лично вами!

Я развернулся так, чтобы смотреть на публику, и сказал:

— Если же вы, уважаемые коллеги, мне не верите или у вас возникли какие-то сомнения, то я расскажу, как все было на самом деле. Изначально, когда Сергей Николаевич Епиходов только занялся этой проблемой и до того, как он потратил на нее сорок пять лет своей жизни, господин Лысоткин пытался стать его ассистентом. Особенно когда увидел перспективу данной работы. А когда понял, что покойный академик Епиходов его на дух не переносит и не желает включать в свою рабочую группу по данному исследованию — он убил Епиходова!

Зал ахнул.

А я обвел весь коллектив пристальным взглядом и веско повторил:

— Да! Лысоткин убил Епиходова, чтобы завладеть результатами исследований и присвоить его теорию!

Мертвая тишина, которая повисла при первых моих словах, вдруг лопнула с таким грохотом, что шум лавиной накрыл зал. Люди вскакивали со своих мест, махали кулаками, что-то кричали. Лысоткин сидел на стуле, весь красный, и хватал ртом воздух. Председатель пытался призвать всех к порядку, но тщетно.

Наконец Галина Александровна схватила огромную энциклопедию и со всей дури бахнула ею по столу — звук получился оглушительный, аж стекла в окнах задрожали.

— Тихо все! — гаркнула она зычно. — Заткнулись! Слушаем Сергея. А ты продолжай!

Председатель спросил, аж заикаясь:

— Послушайте, Епиходов, но это слишком громкие заявления. Вы понимаете, чем сейчас рискуете?

Я перевел на него взгляд и ответил в тон:

— А вы понимаете, чем рискуете, покрывая убийцу? Смотрите! Точнее, слушайте! — Я включил диктофон с записью моего разговора с Михайленко:

«Ты знаешь, Лысоткин ведь такой человек, что, если надо, он и убить может… — прозвучал с телефона злой голос Михайленко. — Послушай, он ни на что не посмотрит, чтобы завладеть теми данными. Он даже старика Епиходова — не тебя, а того академика-дурачка — не пожалел, убил».

«Да ну, ерунду вы говорите. Как он его мог убить?» — мои слова в диктофоне звучали глухо, словно из бочки.

«А вот послушай. Он спланировал все, причем так, что старик Епиходов поверил, будто смертельно болен, и дал согласие на операцию. Аневризма сосудов мозга, мать ее так!»

«Подождите, ну разве операцию не вы проводили?»

«Сережа. — Голос у Михайленко на записи был уже совсем пьяный. — Если человека бьют палкой, разве он должен ненавидеть палку, а не руку, которая ее держит?»

Я выключил диктофон и поднял тяжелый взгляд на коллег:

— Это Лысоткин убил Епиходова! Вы слышите?! Лысоткин! Убил ради того, чтобы его имя стояло рядом с теорией, которую сформулировал Епиходов!

После этого никаких сомнений ни у кого уже не оставалось. Михайленко подпрыгнул и, весь красный, аж багровый, закричал, тыкая пальцем в Лысоткина:

— Он меня самого обманул! Он сказал, что аневризма сосудов мозга академика Епиходова, моего друга, замечу, вполне операбельна, и объяснил, что именно делать. Как более опытный коллега! Дал мне протокол, и я не отходил от него ни на миллиметр. Я не виноват, что так получилось… Послушайте! Я не виноват! Это все Лысоткин!

Но его не слушали — все и так уже все поняли. Шум поднялся оглушающий.

Председатель спросил, перекрикивая коллектив:

— Епиходов! Сергей! Вы понимаете, что вот эти ваши записи в суде не будут иметь никакого значения?!

Я посмотрел на него и сказал, дождавшись, когда все утихнут:

— А зачем нам суд? Зачем выносить сор из избы? Нам достаточно, что мы здесь, в своем коллективе, дадим правовую и морально-этическую оценку деятельности Казимира Сигизмундовича. И вернем наследие покойного академика Епиходова его научной школе и его детям, — кивнул я на бледную перепуганную Марусю, которая сидела вся в слезах и даже не скрывала этого, — потому что вот эта так называемая великая теория Лысоткина ломаного гроша не стоит! А вот теория академика Епиходова стоит! Надо только вернуть сюда правильные данные, вот в эти места, — я в очередной раз ткнул пальцем в слайд, — и она действительно перевернет мир и всю человеческую жизнь!

Председатель, который теперь отодвинулся как можно дальше от Лысоткина, посмотрел на него брезгливо и сказал, еле сдерживая негодование:

— Ну как же так, Казимир Сигизмундович? Мы же вам так доверяли…

Лысоткин что-то пытался ответить, но багровая краснота все больше и больше заполняла его лицо, уши и лоб. И вот он встал, схватился за сердце и вдруг упал на пол.

— Умер, умер! — закричали все. И принялись вскакивать со своих мест.

Ближайшим был Петров-Чхве, который кинулся к Лысоткину и посмотрел, что с ним. Через пару секунд он поднял голову и сказал:

— Нет, жив. Так, давайте быстренько скорую. Оказываем первую помощь, это инфаркт. Где там Наташа? Неси сюда все! Дмитрий, помогай!

Несколько человек бросились к нему. Понятно, что ученый совет был сорван. Через несколько минут Лысоткина положили на носилки. Люди, что повскакивали со своих мест, теперь уже бегали туда-сюда по всему залу группками, переговаривались, ахали и охали, а я стоял в стороне и лишь молча смотрел на все это. Отстраненно смотрел.

На душе было муторно, но я знал, что все сейчас сделал правильно.

Ко мне подошел Петров-Чхве и молча, от души пожал руку.

— Спасибо, Сережа, — тихо сказал он. — Ты знаешь, я скажу так: мы с покойным академиком Епиходовым никогда особо друзьями не были. Скорее, оппонентами, причем заклятыми. Не было ни одного научного изыскания, о котором мы бы с ним не сломали копья. Но при этом я хочу сказать, что это было абсолютно честное противостояние. Я очень опечален тем, что он умер, и у меня больше нет такого прекрасного критика и оппонента. Потому что только в таком жарком споре и ругани рождается истина. И я очень рад, что ты сегодня восстановил справедливость, Сережа. Это было правильно.

Он еще раз пожал мне руку и быстро вышел из зала.

Потом подскочила Маруся и, ни слова не говоря, бросилась мне на шею. Я обнял ее — в первый раз, с тех пор как попал в это тело, — принялся гладить по голове и успокаивать. А она с благодарностью рыдала у меня на плече. Наконец она успокоилась и сиплым голосом сказала:

— Спасибо тебе, Сережа. — И подняла на меня заплаканные, прекрасные, как у Беллы, глаза.

Я еще раз погладил ее по голове и сказал:

— Теперь уже все хорошо, Маруся. Не плачь. Все будет хорошо.

Она кивнула и сказала:

— Да, я знаю.

А затем ушла.

Ее место занял Терновский и хлопнул меня по плечу.

— Молодец, Епиходов, — сварливым голосом, за которым прятал нешуточное волнение, проворчал он. — Ты знаешь, иногда я смотрю на тебя, и мне кажется, что ты не этот Епиходов, а тот. Ну, ты понял, короче…

Он неуклюже пошутил, махнул рукой, ссутулился и опустил голову, скрывая заблестевшие глаза. А потом тоже ушел.

Подходили и другие люди. В том числе Артур. Он замялся, но потом посмотрел мне прямо в глаза и сказал:

— Извини, братан, что сомневались в тебе. Теперь понятно, почему ты не спорил с нами, хоть и знал, что мы нападаем несправедливо. Надо будет сходить вместе на пиво. Лучше прям сегодня. Или завтра. А то нехорошо с нашей стороны как-то получается…

Остальные аспиранты стояли рядом и кивали в такт его словам. Миша молча хлопнул меня по плечу.

Затем подошла Марина Носик. Посмотрела на меня горящим от восторга взглядом, обняла и сказала:

— Я всегда знала, Сережка, что ты лучший! И очень горжусь, что ты выбрал именно меня в помощницы!

— И меня! — тут же подскочила Лиза Перепечкина и обняла меня с другой стороны.

И так мы стояли, обнявшись втроем, пока Марина не прошипела:

— Отошла от него, коза драная!

— Сама коза! — не осталась в долгу Лиза и показала ей язык.

Девчонки дружно рассмеялись и убежали вместе. А я подумал, что никогда не пойму женщин.

Потом подошла Галина Александровна, поцеловала меня в щеку и от души сказала:

— Спасибо тебе, милый мальчик.

А я понимал: то, что только что произошло, — это победа. Полная победа!

Глава 3

Домой я вернулся под вечер и с облегчением рухнул на продавленный, но такой удобный диван Алены Петровны.

— Уф, как же я устал! — выдохнул я и растянулся на уютных подушках.

Причем устал даже не столько от выступления на ученом совете и разбирательств со своим кровным врагом Лысоткиным, сколько от того, что пришлось весь день отбиваться от желающих срочно со мной задружиться и вытащить куда-нибудь в бар. Даже три приглашения на свидания отклонил, причем не от Перепечкиной или Носик — народ как с ума сошел. Еще на прошлой неделе меня в институте презирали и в упор не замечали, а теперь я оказался на коне, и рейтинги мои взлетели до небес. А что особенно смешно, несколько влиятельных научников позвали меня к себе аспирантом, начисто игнорируя существование Терновского. Даже не знаю, на что они рассчитывали.

Вишенкой же на торте стало то, что случилось у самой двери. Я наконец добрался до подъезда Алены Петровны, поднялся и долго возился с ключом, потому что замок у нее разболтался и заедал — надо будет завтра же вызвать слесаря. И вот пока я возился, открылась дверь соседней квартиры и оттуда выглянула Клавдия, которая при виде меня расцвела пышным цветом.

— Сереженька! — радостным голосом закричала она. — Вот вы шутник! А я же теперь все знаю! Я все про вас узнала! Позвонила Алене Петровне и теперь знаю, что вы очень хороший доктор, который занимается и кардиологией, и нейрохирургией, и всеми остальными вопросами. И вот я бы хотела спросить…

К счастью, в этот момент замок наконец поддался, и я, не утруждая себя ответом, нагло захлопнул дверь прямо перед вытянувшимся лицом Клавдии. А для верности заперся на два оборота и отключил звонок. Надеюсь, ногой в дверь она колотить не станет, а то придется вызывать полицию.

И вот я разлегся на диване, вытянув гудящие ноги и чувствуя, как понемногу отпускает сведенную за день спину, и принялся размышлять, чем бы поужинать. Был вариант сварить гречку с морковкой, но я склонялся к тому, чтобы сделать рагу. Рагу вкуснее, правда, возиться с ним дольше, а гречка быстрее, только не особенно я ее люблю, хоть она и крайне полезная. Тут я вспомнил, что вчера взял в «Пятерочке» в кулинарии котлеты, которые сейчас можно было просто разогреть, и все-таки остановился на гречке.

Оставалось решить, как лучше поступить: заставить себя встать прямо сейчас, налить в кастрюлю воду и, пока она греется, залезть под душ — или поваляться еще немножко, а ужином заняться позже. Поваляться хотелось сильно, но был риск, что я совершенно разомлею и нагло усну. Подумав, я решил, что ничего страшного и пять минут — тот самый компромисс, который погоды не сделает.

В общем, проснулся я оттого, что телефон заходился воем. Я взглянул на часы — божечки, домой я вернулся в шесть вечера, а сейчас была уже почти половина десятого. Видимо, я крепко уснул. Скосив глаза на экран, обнаружил, что звонит Танюха.

Я даже обрадовался. О, Танюха — это хорошо, это без нытья и претензий: она всегда говорит четко и по делу, да и к телефону относится с огромным уважением. Взяв трубку и улыбаясь, я ответил:

— Привет, Танюха!

— Серега! — воодушевленно заверещала она. — Слушай, я типа уже в твоей квартире ремонт закончила. Так что давай приезжай и принимай работу! Когда ты приедешь?

— Да пока не планирую возвращаться, Тань, — осторожно сказал я. — Нужно хвосты кое-какие подчистить. И заодно я хотел уточнить у местных юристов насчет землеотвода под

санаторий. Помнишь, я тебе на карте показывал? Хочу прирезать к участку небольшой крючок, чтобы родник тоже вошел в границы. Если оставлю в муниципальной земле, местные завалят его всяким хламом или вырубят вокруг деревья, и родник иссякнет. Мы с Япаром это уже обсуждали и решили…

— Слушай, подожди ты со своим родником, — отмахнулась Танюха. — Занимайся, я же типа ничего против не имею. Хотя вон Степка заманал уже ныть — хочет тебе показать, что он два новых броска выучил.

— Приеду и обязательно посмотрю, — успокоил я. — Пусть пока отрабатывает.

— Слышал, Степка? — закричала Танюха. — Дядя Сережа хочет посмотреть на приемы, так что отрабатывай типа нормально! Старайся давай!

Что крикнул в ответ Степка, я не слышал, потому что Танюха сразу переключилась на другое. Она разговаривала по телефону со скоростью электровеника. Будь она постарше, я бы решил, что привычка тараторить в трубку у нее с тех времен, когда за межгород платили поминутно.

— Так вот, Серега, — сказала она, — у меня же, ты понимаешь… короче, меня эти ребята накололи, хотя это я виновата. Я с математикой не очень… короче, у меня осталось еще типа четыре рулона обоев и типа две банки краски.

— Ну так сдай обратно в магазин, — посоветовал я. — Или поклей у себя там, ты же хотела на лоджии.

— Не-е-е-е, подожди, Серега! Я переговорила с бригадой, и ребята хотят еще типа подработку. А ты же как раз собирался своим родителям ремонт сделать? Твои же в отпуск летят в Эмираты? Когда у них вылет?

— Восемнадцатого января, — ответил я, прикинув даты, а заодно свои финансовые возможности.

— Ну вот! — обрадованно сказала она. — Они пускай себе типа уезжают, а мы тогда эти обои поклеим у них в квартире. В коридоре!

— Слушай, ну ты же знаешь моих родителей, Танюш. Мать в обморок упадет от одной мысли, что в квартире без нее хозяйничают. Скажет, что все не так сделали.

— А я с ней уже типа договорилась, — бесхитростно сообщила мне Танюха, выдавая полностью то, что коварный сговор произошел за моей спиной.

Но я был этому только рад, поэтому рассмеялся и сказал:

— Хорошо. Ты потом скажи, сколько надо докинуть, чтобы докупить все остальное.

— Да ты понимаешь, — замялась Танюха. — Мы еще линолеум хотели там типа перестелить, если ты не против, конечно же. И в комнате тоже поклеить…

— Не против, — твердо сказал я, чтобы пресечь дальнейшие торги.

— Ну ладно, тогда я тебе через два дня скажу типа общую сумму! — обрадованно выдохнула Танюха.

— Хорошо, хорошо, — согласился я. — А как у тебя дела?

— А у меня все нормально, — сказала Танюха и заявила: — Ну все, ладно, пока-пока! А то у меня зажарка вон подгорает.

И сразу же отключилась.

«Зажарка», — неодобрительно подумал я. Сколько раз ей объяснял, что никакой зажарки ни в суп, ни в борщ класть не надо, а она все свое. Ну ничего, не мытьем, так катаньем, а от этих зажарок я ее отучу.

Я улыбнулся, потянулся, встал и пошел готовить гречку. Налил воду, поставил кипятиться и вытащил пакет с крупой. Она оказалась с черными камушками, и я принялся кропотливо ее перебирать. Решил сварить впрок примерно стакан — пусть на завтра тоже будет. Приду с работы и просто немножко поджарю на сковородке с яйцом, я такое люблю. Решив

этот простой бесхитростный вопрос, я собрался было в душ, но тут пришло уведомление о новом письме.

Открыв ноутбук, я сначала все же ответил Нине Шишкиной, что встретиться с инвесторами по моим патентам могу на неделе в любое время, а дальше пусть сама решает, где и когда организовать это рандеву.

Потом изучил новое входящее письмо. Удивился, думал, спам, но оказалось, от Райки.

Читая, я улыбался: ошибок там было море, но радость перла из каждой строчки. Вот что она писала:

«*Уважаемый Сергей Николаевич!*

Извините, что я вам пишу так быстро, но ждать не смогла, и хоть тетя Нина говорит, что я голову вам морочу, но я подумала, что, может быть, вам будет интересно узнать, как у меня дела. Я знаю, что тетя Нина вам все рассказывает, и Александра Ивановна, и Диана, и все остальные.

Но я хотела тоже рассказать, как на меня этот порошок действует. Когда я выпила первый стаканчик этого порошка, то ничего я не почувствовала, но, честно вам скажу, я Самарцеву даже не говорила, короче, я сделала вид, что все нормально. Просто, когда я выпила вторую часть порошка, мне было капец очень плохо, меня сильно трясло, но это было ночью. Выпила я днем, в одиннадцать утра, а стало мне плохо аж ночью. Еще у меня была рвота, но я попила воды, и мне стало легче. Самарцев не заметил. И еще я поняла, что когда я выпила этого порошка и хожу по комнате, то мне нормально. Так-то, плохо, конечно, и капец тошнит, но как бы нормально. Лучше, чем если я лежу. Может быть, вам, как врачу, это будет интересно».

В этом месте я хмыкнул. Молодец, Райка, главное уловила.

Тут есть что копать, и Самарцеву надо отписаться сегодня же.

А дальше Райка писала:

«*И вот, Сергей Николаевич, я скажу вам так: к спиртному меня теперь совершенно не тянет. Хотя, говоря по правде, я не знаю как, потому что я даже к нему близко не подхожу. Я честно боюсь, что если я подойду, понюхаю — то забухаю. Поэтому я хитрая такая и вообще не подхожу. Но зато мне уже не надо себя привязывать за руку к батарее. Я просто спокойно живу, как жила в детстве. Можете меня поздравить.*

А еще я сдала зачет, и мне выдали свидетельство санитарки. Теперь у меня есть важный документ.

А там еще был такой дядечка лысенький, Петр Александрович. Так вот он сказал, что я старательная и что я через год могу пойти на повышение и даже стать сестрой-хозяйкой. И я решила, что почему бы это не сделать. Александра Ивановна сказала, что если я не буду пить, то потом можно будет договориться с Полиной Фроловой, чтобы она еще немного побыла с Борькой, а я чтобы поехала учиться на медсестру.

И я так обрадовалась, я два дня вообще не спала, потому что я хоть и старая, но она говорит, что сейчас модно иметь несколько образований и заканчивать новые институты в старости. Но мне еще сорока нету, поэтому она сказала, что я не сильно старая.

И еще Александра Ивановна сказала, что, если я буду стараться, они мне дадут хорошую характеристику и целевое направление, чтобы я поступила в медицинский колледж. Она говорит, что надо ехать в Йошкар-Олу, где училась Венера, и Венера тоже так говорит. Но я хочу в Казань. Мне Диана сказала, что в Казани намного больше возможностей. Нет, вы не подумайте, я не собираюсь там оставаться. Я вернусь, у меня здесь Борька, и надо Борьку поднимать на ноги. Но Диана сказала, что там есть возможность, когда ты учишься в колледже, еще можно пойти на курсы массажистов или иглоукалывания. И я очень хочу.

А еще она мне посоветовала, что лучше бы я пошла на косметолога, потому что у меня легкая рука, и я когда маски девочкам делаю, то очень хорошо получается. Она сказала,

что если у меня будет медицинское образование медсестры и я стану косметологом, то меня возьмут с руками-ногами в любое место. И в санатории у нас косметологи разные нужны. И я бы могла тоже быть. Я, конечно, не знаю, это страшно, быть косметологом, но массаж делать я могу, у меня руки крепкие, и спасибо вам большое, что вы в меня тогда поверили. И когда я была такая скотина, вы все равно в меня верили и надеялись, что с меня что-то будет.

Борька мой хорошо учится и готовится идти в первый класс, но он уже все буквы знает, он уже читать умеет. И самое смешное, что он сам записался в школьную библиотеку. Но за это все спасибо Элен, она договорилась, и он берет там книжки. Я, когда ходила к Полине убираться и к Борьке, я увидела, какую книжку он читает. Только не смейтесь — про Робинзона Крузо, большую толстую книжку, и мне тогда так стало стыдно, что у меня такой умный сын и он так тянется, а я его чуть не погубила. И вот причина, почему я хочу тоже получить образование, чтобы моему сыну, который станет министром — а мы все верим, что он станет министром, — чтобы ему не было стыдно, что у него мать какая-то поломойка и алкоголичка.

И вот еще я хотела вас попросить, Сергей Николаевич, хоть вы для меня уже столько сделали, что я по гроб жизни вам обязана, но маленькая-маленькая просьбочка. Прошу вас, кланяюсь и прям на коленях прошу… в общем, тетя Нина сказала, что Борьку надо окрестить, что негоже, что ему уже столько лет, а он некрещеный. Она отправила Чепайкина, он договорился с батюшкой, и батюшка сказал, что его скоро окрестят. Но нужны крестный и крестная. Крестной матерью будет Полина Фролова, потому что она очень много для нас с Борькой сделала, ну, вы сами знаете. А вот крестным отцом мы с Борькой молитвенно просим стать вас.

Дорогой Сергей Николаевич, станьте Борьке крестным отцом! Прошу вас очень, не отказывайте нам, но, если вы откажете, мы тоже поймем, и все равно мы будем вам по гроб жизни благодарны.

С уважением, Раиса и Борька»

После этой ее просьбы я завис. Настолько неожиданно, что я попросту растерялся. Нет-нет, обрадовался я искренне: и Борька пацан хороший, да и Райка, хоть и пропащая была, человек в общем-то неплохой, и почему бы им не помочь, не поддержать, в том числе и духовно, особенно Борьку. Но крестный отец — вот это было для меня что-то запредельное.

Затем мысли скакнули на другое: а имею ли я право стать крестным, если, по сути, попал в чужое тело? В христианстве разве это не называют одержимостью бесами? А вдруг, не займи я это тело, дух Сергея так и остался бы тут? А вдруг это я убийца? А вдруг это из-за меня прежний Серега ушел?

Хотя, если рассудить трезво, не уйди прежний Серега сам, он бы это тело за полгода добил и помер где-нибудь на помойке. Поэтому я отбросил все глупые мысли и принялся писать ответ:

«*Здравствуй, Раиса.*

Рад получить от тебя хорошие новости. Ты пишешь, что на ногах тебе легче, чем лежа, — очень прошу, сообщи об этом Самарцеву. Причем расскажи подробно. Это важная информация, которая поможет нам дальше работать с другими пациентами. Пусть он все запишет в журнал, причем не откладывая. Сделай это прямо сейчас, когда прочитаешь письмо.

Теперь про учебу на медсестру. Во-первых, поздравляю: ты теперь дипломированная санитарка. Это очень хорошо и почетно. Будешь работать и, пожалуйста, не забывай про амбулаторию в Чукше. А во-вторых, мысль сама по себе правильная и здравая, только в Казань тебе ехать не надо. Лучше поехать в Йошкар-Олу, и Александра Ивановна с Венерой говорят правильно. Колледжи и в Казани, и в Йошкар-Оле хороши, образование дают нормальное и там, и там: я работал и с Дианой, и с Венерой и не могу сказать, кто из них лучше,

кто хуже. А дополнительные курсы по массажу или косметологии мы тебе организуем, после того как ты получишь медицинское образование.

Скажу тебе по большому секрету: когда санаторий заработает на сто процентов, я хочу устроить такие курсы для персонала прямо на месте. То есть буду приглашать преподавателей к нам, чтобы люди учились без отрыва от работы, и тогда тебе вообще никуда ехать не придется. Кроме того, ты закончишь медучилище и сама поймешь, какое направление тебе больше нравится. Сейчас выбирать рано, поэтому не спеши и поступай в Йошкар-Олу. Там живет брат Венеры, и я думаю, что с ним можно будет договориться, ты станешь иногда заходить к ним — постираться, посидеть по-человечески. Ведь вы односельчане, а это большое дело. А в Казани ты будешь совсем одна, без поддержки. Да и на выходные к сыну из Йошкар-Олы ездить ближе. Поэтому подумай хорошенько, время еще есть. Но в этом году, считаю, поступать тебе не надо: сначала надо вернуть Борьку домой и закрыть опеку, а уж потом думать про учебу. Хотя это только мой совет, решать все равно тебе.

Что же касается твоей просьбы стать крестным для Борьки — с большим удовольствием. Так что узнай у батюшки, когда будут крестины, и сообщи мне заранее, чтобы я подогнал под них свои планы, и я обязательно приеду. Вернуться в Морки рассчитываю где-то в конце месяца, поэтому было бы хорошо, если бы все совпало.

С уважением, Сергей Епиходов».

Не успел я отправить письмо, как позвонила тетя Нина. Я про себя усмехнулся: сегодня у меня прям «вечер вопросов и ответов».

— Сережа! — как всегда взволнованно закричала она. — Как дела у тебя? А у нас тут все хорошо! Сегодня на ужин я делала шанежки и про тебя думала, потому что ты их любишь. А Валера бегал и перевернул крынку с молоком, и сам все это молоко выпил, а теперь дрыхнет, гад такой. И суслик!

Тетя Нина завелась на добрых полчаса, а я слушал ее и тихо млел. Хорошо, когда у твоих все хорошо и ничего не стряслось. Вскоре тетя Нина перекинулась на гневное обсуждение бестолковой козы Афродиты, и тут я услышал в трубке какой-то шум.

Наконец тетя Нина сердито сказала:

— Сережа, тут Александра Ивановна у меня трубку вырывает. Ничего не поделаешь, начальство, так что поговори пока с ней. Только недолго, я тебе про эту гадскую Афродиту еще не все дорассказала…

Ответить я ничего не успел, потому что в трубке послышался встревоженный голос Александры Ивановны.

— Сергей Николаевич! — обеспокоенно сказала она. — А я-то думаю, что такое: звоню, звоню вам, а линия занята. А это тетя Нина вас забалтывает. В общем, тут такое дело, вы уж меня простите, видимо, я совсем старая стала, забыла вам сказать, точнее напомнить. У нас же сегодня опять «Клуб здоровья». И все уже собрались в зале и ждут вас по видеосвязи, я им так пообещала. А вам, дура старая, сказать забыла. Что теперь делать?

Глава 4

— Что делать, что делать, — проворчал я, придвигая к себе ноутбук. — Включайте видеосвязь, Александра Ивановна. Раз люди собрались, не по домам же их разгонять.

— Ой, Сережа, золотой вы человек! — обрадовалась она и тут же закричала куда-то в сторону: — Елисей! Елисей, набирай Сергея Николаевича, он согласился!

Я успел застегнуть рубашку поверх домашней футболки и пригладить пятерней волосы, а вот с ужином опять не сложилось, потому что кастрюля с перебранной гречкой так и осталась стоять на плите. Ладно, подумал я, устрою себе сегодня интервальное голодание.

Ноутбук пиликнул, я ответил на вызов, и на экране развернулся актовый зал нашего санатория. Точнее, сначала в кадр влез потолок с новой люстрой, потом чья-то клетчатая рубашка, потом ярко-красное ухо Елисея, и только затем картинка встала на место: ряды стульев, знакомые лица, Елисей со своим ноутбуком у стола, а за его спиной стояла Венера, которая радостно махала мне рукой.

— Серег, привет, — сказал Елисей, заглянув в кадр. Он был отчаянно счастливый и жизнерадостно улыбался. — Прикинь, тут даже колонки нашлись, причем нормальные такие, я сейчас включу их, так что тебя все услышат. Кстати, слышал, что там произошло с уродской гнидой Лысоткиным, как ты его там на совете разнес. Красавец! Ладно, все, давай, люди долго тебя ждали.

Он отошел, а я услышал взвывшие колонки, когда он их подключил.

— Добрый вечер, Морки! — сказал я.

— Звука нет! — закричали из зала. — Сергей Николаич, вы говорите, а звука нет!

— Это у вас там нажать надо, — солидно сказал кто-то невидимый. — Вон тот значок, где перечеркнуто.

Я ткнул на перечеркнутый микрофон, поздоровался, и зал загудел в ответ. Народу набилось прилично, никак не меньше полусотни: моркинцы сидели в куртках нараспашку, степенно, рядами, а наши санаторские стояли вдоль стен. У дверей я разглядел Райку — она сияла и обеими руками держалась за швабру. Полы в зале, кстати, блестели.

— Сережа, вы уж простите меня, дуру старую, — виновато заговорила Александра Ивановна, усаживаясь сбоку от Елисея. — Я же людям к девяти назначила, всем сказала, обзвонила. Одному вам сообщить забыла. Час с лишним сидим, я уж думала, распускать придется.

— И правильно, что не распустили, Александра Ивановна. — Я подвинул ноутбук так, чтобы свет от торшера не бил в камеру. — Только уговор прежний. Я не буду читать лекций, просто отвечу на вопросы. У кого что болит, тот и спрашивает. Кто первый?

Первым, конечно, оказался Анатолий. Он поднялся со второго ряда, одернул свитер, солидно откашлялся и подошел поближе к микрофону компьютера.

— Николаич, у меня продолжение к прошлому разу, — громко начал он. — Помнишь, ты мне тогда давление намерил при всем народе? Я после того клуба в ЦРБ ходил, перемеривал, пока не поверил. Ну и заодно кровь сдал. Так вот, нашли у меня этот, холестерин. Семь и два, говорят. И выписали таблетки, статины называются. А мужики говорят: не пей, Толян, от них печень отваливается. Вот я и спрашиваю: пить или не пить?

— Если б водку прописали, поди, не спрашивал бы, — ехидно сказала со своего места Оксана.

Первым хохотнул Генка, за ним подхватили остальные, а Анатолий отмахнулся от жены и продолжал смотреть в камеру. Очевидно, с надеждой, что я разрешу таблетки не пить.

— Хороший вопрос, Анатолий, — сказал я. — Давай по порядку. Первое. Твои семь и два — это не болезнь, а просто цифра, понимаешь? Врач смотрит не на один этот показатель,

а на всего человека сразу: какое давление, курит или нет, сколько лет, кто в родне от чего умирал. Вот скажи, у тебя в родне сердечники были?

— Дядька, — поправил Анатолий. — Инфаркт в пятьдесят девять.

— Тем более. Считается все вместе, и когда риск высокий, таблетки назначают не от цифры твоего холестерина, а чтобы ты до инфаркта не дожил… — Я осекся и поправился: — Чтобы инфаркт до тебя не добрался. Оговорился, прошу прощения, время позднее.

— Да мы поняли, Николаич! — крикнули из зала. — Ты дальше давай, про печень!

— Про печень — миф, — веско сказал я. — Точнее, так. Печень эти таблетки задевают настолько редко, что врачи давно перестали проверять ее у всех подряд. Сдал анализ разок для порядка, а дальше живешь спокойно. Печень, Анатолий, не отваливается молча. Если что-то пойдет не так, это будет видно по анализу. Тогда врач сменит дозировку или препарат, но повторяю, за все время моей практики я никогда не видел, чтобы от статинов у кого-то пострадала печень.

— А Петруха говорит, у него от них ноги крутило, — не сдавался Анатолий. — Бросил, говорит, и прошло.

— И такое бывает, — согласился я. — Только вот какая штука. Когда для исследований собрали таких, как Петруха, и стали давать им то настоящую таблетку, то пустышку, не говоря, где какая, ноги у них крутило одинаково и от того, и от другого. Голова у нас, Анатолий, сильнее эффекта от таблетки: он наслушался ужастиков — вот и крутит. Если мышцы всерьез заболели, об этом врачу говорят, и он, опять же, меняет таблетку или дозу. А бросать втихую — это худшее из всего, что ты можешь сделать для себя. Хуже, чем вообще не начинать.

— Это почему же? — не понял Анатолий.

— А потому что сосуды твои привыкают к защите, а ты ее убираешь и никому не говоришь. Врач думает, что ты защищен, ты думаешь, что ты умный, а инфаркт тем временем незаметно подкрадывается. — Я помолчал и добавил: — Пей статины, Анатолий. И на контроль сходи, когда назначено, а не когда Ксюша погонит.

— Погоню, — клятвенно пообещала Оксана, и в зале прошелестели смешки.

Анатолий сел, что-то бурча себе в бороду, но, судя по довольному лицу, уже принял мои доводы. Следом поднялась Лариса Степановна Макматова — я, честно говоря, даже удивился, потому что наша медсестра обычно сама раздает советы направо и налево, а тут начала мяться и теребить пуговицу на кофте.

— Сергей Николаевич, я не про себя спросить хочу, — чуть замявшись, заявила она. — Я про подругу. Подруге моей пятьдесят два года, и с ней что-то неладное творится. То ее жаром обдает среди зимы, то сердце колотится на ровном месте, то она ночь не спит и утром на всех кидается. И плачет, главное, без причины. Она уж думала, что с ума сходит. Что ей делать, подруге моей?

По залу пробежал смешок, и громче всех хмыкнула тетя Нина. Уж ее-то ехидный голос я узнаю из тысячи.

А Виктор, муж Ларисы Степановны, повернулся к жене.

— Чего ты сказала? Про кого? — громко переспросил он.

— Про подругу! — отчеканила ему в здоровое ухо Лариса Степановна. — Сиди, Витя.

— Вопрос серьезный, — сказал я.

Смешки улеглись.

— Передайте подруге, Лариса Степановна, самое главное: она не сходит с ума. Это гормоны. Возраст подошел, организм перестраивается, и жар, и сердцебиение, и бессонница, и слезы — все это одна и та же перестройка. Она не придумывает и не распустилась, у нее все по-настоящему.

— А само пройдет? — тихо спросила Лариса Степановна.

— У кого-то проходит за год-два, а у кого-то тянется годами. И вот тут второе: терпеть не обязательно. Раньше считалось: все бабы терпели, и ты терпи. А сейчас с этим вполне эффективно работают врачи, и работают хорошо. Есть гормональное лечение, и для женщины, которой пятьдесят два и у которой перестройка только началась, оно как раз вовремя: там есть свое окно, первые годы, пока не стукнуло шестьдесят. Дальше уже сложнее. Только назначает лечение врач после осмотра, а не соседка и не интернет.

— А без таблеток никак? — с надеждой спросила она.

— Без таблеток тоже есть чем помочь, только честно скажу: сон, ходьба, гантельки, творог — это все больше для костей, для веса и настроения. Кости в эту пору сыплются первыми, и вот их беречь надо обязательно. А сам жар гимнастикой, к сожалению, не потушишь. Если приливы ломают жизнь, нужно идти к врачу, к женскому эндокринологу. И еще одно запомните, это важно: если у женщины все уже закончилось, год-два тишины, и вдруг снова кровит — вот с этим не ждут ни дня. Ни в коем случае не ждать, что само пройдет! Сразу идти и проверяться. Срочно! Чаще всего там ерунда, но проверить обязательно.

В зале стало тихо. Лариса Степановна кивнула и сказала:

— Я передам подруге.

— Передайте, — сказал я. — И скажите ей, что она молодец, что спросила.

Виктор снова повернулся к жене, и Лариса Степановна, наклонившись, что-то долго говорила ему на ухо. Что именно, я не слышал, но Виктор вдруг взял ее за руку и больше не отпускал.

— Следующий! — объявила Александра Ивановна. — Да не толпитесь вы, всех спрошу… Вот из Чукши товарищ.

К камере вышел кряжистый мужик лет сорока с чем-то на вид. Я его раза два в Чукше видел. Система, к сожалению, по видеосвязи не работала. Мужик потоптался и стянул шапку.

— Изерге я, тракторист из Чукши, — представился он. — Меня в декабре прострелило, спасу нет. Свозили на снимок, а там грыжа. Врачиха сказала, что, мол, не поднимай ничего тяжелее ведра и лежи. А как мне лежать, доктор, если у меня хозяйство, трактор? Мне что теперь, инвалидность оформлять?

— Погодите с инвалидностью, Изерге, — сказал я. — Сначала я вас удивлю. Спорим, что, если сейчас всех, кто в этом зале сидит и у кого ничего не болит, отправить на такой же снимок, у половины найдут точно такую же грыжу? Я вам это гарантирую, потому что спина после сорока на снимке у всех, скажем так, изношенная. Это возраст, но не катастрофа! Лечат не картинку, а человека. Болит у вас сейчас?

— Сейчас чуток отпустило, — признался Изерге. — Побаливает, если крутанусь. А так ниче.

— Вот и славно. Тогда слушайте. Лежать неделями при спине — самое вредное, что придумали в прошлом веке. То же самое я говорил Арсению Лукичу Чепайкину, только про колени, а сейчас повторю вам: спина кормится движением. Ходите, работайте, только с умом. Если поднимаете что-то, приседайте и поднимайте ногами, а не спиной, груз держите ближе к животу, ну и поднимайте аккуратно, не рывком. Прострелит опять, так вы пару дней щадите, а потом снова расхаживайтесь, потому что прострел — это чаще всего мышца, а мышца так или иначе отходит.

— А грыжа-то как же? — не унимался Изерге.

— А грыжа ваша, скорее всего, так и будет, пока не придумает наука что-то более щадящее, чем операция. Например, научатся когда-нибудь уколом ее подсушивать, чтобы не давила на нерв, или сам диск заново выращивать — такие работы уже вовсю идут. Скажу больше, в США идет уже третья фаза процедуры регенерации диска клетками. Если коротко, в диск вводятся клетки-предшественники, способные восстанавливать его структуру. Результаты по этому исследованию ожидаются после 2027 года. А пока запомните простую вещь, Изерге.

Если ноги ходят, ничего не немеет, сила не пропадает, ночью внезапно температура не поднимается, и жить вам эта грыжа особенно не мешает, так и нечего ее трогать. Пусть себе красуется на снимке.

— Понял, — сказал Изерге и вдруг повернулся к камере спиной, задирая телогрейку. — А вот тут, гляньте, где болело-то…

— Изерге, я вас не вижу, вы спиной камеру закрыли! — засмеялся я. — Не вижу, но верю. Садитесь и… ничего не поднимайте с земли рывком, договорились?

Зал грохнул, Изерге сконфуженно натянул шапку и сел. А к камере уже пробиралась старушка в белом платке — та самая, что на первом собрании «Клуба здоровья» спрашивала про свой молчащий камень в желчном. Я ее узнал и обрадовался: значит, ходит и ей не хуже.

— Сергей Николаич, у меня вопрос житейский, — начала тараторить она, поправляя платок. — У нас соседка на святках упала у колонки. Шейка бедра, увезли, лежит. А ей всего-то семьдесят два. И я теперь хожу и боюсь: сегодня она, завтра я. Ты мне скажи, милок: есть какая таблетка от падения?

— От падения таблетки нет, — сказал я. — А вот защита есть, целых три. Первая — кости. Вам, бабушка, положено раз в несколько лет проходить одно исследование, когда просвечивают кости и смотрят, крепкие ли. Называется денситометрия, в Йошкар-Оле делают, Александра Ивановна поможет с направлением. Если кости рыхлые, это хорошо лечится. И ешьте белок: мясо, творог, яйца. В вашем возрасте белка нужно больше, чем молодым, а едят его старики обычно меньше. И кальций. Мел грызть не надо, а вот творог, кефир — желательно каждый день.

— А витамин этот, дэ? — вспомнила старушка. — Дочка из города привезла банку, велела пить.

— А вот с банкой не торопитесь. Витамин этот нужен не всем, а тем, у кого его по анализу не хватает. Здоровому человеку лишняя банка ни костей не укрепит, ни от перелома не спасет — это уже проверено на десятках тысяч людей. Сдайте анализ и, если врач скажет пить, пейте. Сама по себе банка с витаминами не защитит вас от переломов. Вторая защита куда сильнее: сила и равновесие. Вот вам упражнение, самое простое на свете: стойте на одной ноге, когда у плиты возитесь, только за стол держитесь. Каждый день, по минутке на каждую ногу. Хорошая тренировка для координации, баланса и мышц. И со стула вставайте без рук, вот прямо с сегодняшнего вечера начните. Кто устоял на одной ноге у плиты, тот и на льду удержится.

— А третья защита? — спросила старушка. Судя по сосредоточенному лицу, она мысленно уже стояла на одной ноге у плиты.

— А третья — ваш собственный дом. Удивительно, но статистика не врет. Падают старики чаще всего не на улице, а дома, споткнувшись о задравшийся ковер, о провод, о порожек… Пройдите по дому и уберите все, обо что можно споткнуться. И песочка у крыльца не жалейте.

— Это мы устроим! — заявила из зала тетя Нина. — Чепайкин завтра же пройдет по дворам, где лед у крыльца, у него теперь моцион, ему Сережа ходить велел!

— Меня-то спросили? — крякнул Чепайкин, но по голосу было ясно, что завтра он пройдет по всем дворам.

— А камень мой молчит, Сергей Николаич, — довольно доложила старушка уже на пути к месту. — Как вы и сказали, так и молчит.

— И пусть молчит дальше, — улыбнулся я.

Следом поднялся сухонький дед с окладистой бородой, которого я раньше не видел. Он вышел к камере со своей табуреткой и уселся напротив.

— Эчан меня зовут, я с пасеки, за Чукшой мои ульи стоят, — представился дед. — Доктор, я мед ем всю жизнь, каждый день, и всем советую. Мед! Он же от всего! И от простуды, и для желудка, и для крови. Я его по банке в день умять могу. А еще люблю свежий мед со

стакана пить. А снохе моей в городе врач сказал: у вас, говорит, сахар пополз, преддиабет, меду поменьше. Это как же так? Мед — и вдруг поменьше? Он же не сахар, он же природный!

— Дед Эчан, я вас сейчас огорчу, только вы с табуретки не упадите, — сказал я. — Мед — это и есть сахар. Самый настоящий, только с хорошей репутацией. Пчелы, конечно, старались, и витаминов там на донышке есть, но для организма ложка меда и ложка сахара — почти одно и то же. Поэтому весь вопрос в количестве. Пара ложек к чаю — на здоровье, я и сам люблю. А банка в день… это все равно что банку сахара съесть. Прямая дорога к диабету.

— Да как же… — растерялся дед. — Я же пасечник. Мне же свое, чистое…

— Свое и чистое, — согласился я. — И пусть таким остается, просто ешьте ложками, а не банками. А снохе вашей передайте хорошую новость. Преддиабет — это еще не болезнь, это последнее предупреждение, его можно обратить. Меньше сладкого, особенно в напитках, в чае и в компотах, десять минут ходьбы после каждой еды — и риск, что предупреждение станет болезнью, срежется вдвое безо всяких лекарств. Ну и сахар проверять раз в год, раз уже пополз. Если же хочется чего-то более надежного, чтобы наверняка, я в прошлый раз рассказывал: сократить питание до двух-трех раз в день, никаких перекусов, а если подкрепить интервальным голоданием, то уже через месяц-два результаты придут в норму.

— Надо же, — растерянно протянул дед, поднимаясь и забирая табуретку. — Ладно, скажу. А банку, стало быть, растягивать…

— На месяц, — подсказал я. — Как раз до следующего клуба хватит.

Он ушел на место под смех зала, качая головой, и мне даже стало его немного жалко, ведь я только что покусился на дело всей его жизни. Впрочем, переживет. Здоровье важнее.

— Ну, кто еще? — спросила Александра Ивановна, оглядывая зал. — Смелее, Сергей Николаевич не кусается, он вон где, аж в самой Москве.

И тут со своего места у стены поднялась Тайра Терентьевна. Вот уж от кого я вопроса не ждал: за все время нашего знакомства она, по-моему, ни разу ни на что не пожаловалась.

— Сергей Николаевич, я спрошу, раз такое дело, — сконфуженно сказала она. — У меня в глазах мушки летают. Черненькие такие, вроде ниточек. Я молчала, думала — начну жаловаться, скажут: старая, слепнет, на пенсию пора. А они летают и летают. Я слепну, да?

— Давно?

— Так, почитай, уже лет двадцать.

— Двадцать лет, Тайра Терентьевна? — переспросил я. — Столько лет вы с этим ходите и молчите?

— Ну а кому говорить-то было? — пожала она плечами. — Сначала боялась, что уволят, потом санаторий стоял пустой, я да стены.

— Тогда слушайте, и пусть весь зал слышит, потому что мушки эти летают у каждого третьего после сорока. Сами по себе они безобидны: внутри глаза есть прозрачный студень, он с возрастом становится неоднородным, и его ниточки отбрасывают тень. Мозг к ним привыкает и перестает замечать. Двадцать лет с мушками — это как раз такой случай, потому что, если бы там было страшное, оно бы себя давно показало.

— Так я не слепну? — уточнила она.

— От мушек — нет. Ничего страшного с вами не происходит. Страшное выглядит иначе: если мушек вдруг высыпало сразу много, целый ливень, если в глазу засверкали вспышки, будто кто-то фотографирует, или с краю поля зрения поползла темная занавеска — вот с этим терпеть нельзя. Это может быть отслоение сетчатки, и там счет на часы. А просто мушки, старые знакомые, — пусть летают.

— Ливень, вспышки, темная занавеска, — повторила Тайра Терентьевна, загибая пальцы. — Запомнила.

— И еще одно, раз уж заговорили про глаза. Все, кому за шестьдесят: показывайтесь глазному врачу раз в год-два, даже если ничего не беспокоит. А у кого сахар повышенный —

каждый год обязательно. И катаракту, если кому ставили такой диагноз, «дозревать» не надо оставлять. Сейчас ее оперируют тогда, когда она мешает жить, а не когда совсем стемнеет. Операция эта отработана так, что делают ее за считаные минуты. Я гречку дольше варю. Кстати, я сам недавно маму свою возил с катарактой, так там больше переживаний было.

— А что у вас с гречкой, Сергей Николаевич? — тут же спросила Александра Ивановна.

— А ничего, — ответил я, вздохнув. — В том и беда, что ничего. Стоит на плите с девяти вечера, перебранная.

Александра Ивановна хохотнула, Диана прыснула у стены, а тетя Нина всплеснула руками так, что Валера, дремавший у нее на коленях, вскинул голову.

— Так ты не ужинал, Джимми! — закричала она. — Люди добрые, он там с утра на ногах, по ученым советам ходит, а мы его вопросами мучаем! А ну, кто там еще с вопросами, — все на следующий раз! Сереженька, ты на себя в зеркало смотрел? С лица спал, скулы одни торчат! Кто тебя там кормит вообще?

— Тетя Нина, меня там…

— Никто его там не кормит! — сообщила она залу, поднимая Валеру на руки, и тот уставился в камеру нахальными глазами. — Вон, Валера, смотри, твой хозяин. Отощал в своей Москве. Я ему шанежек с оказией передам, Генка в пятницу в Казань поедет, а оттуда…

— Тетя Нина, шанежки до Москвы не доедут, — засмеялся я, но меня уже никто не слушал, потому что зал наперебой принялся решать, как меня кормить: бабка с молчащим камнем предлагала гуся, дед Эчан — мед, а Изерге зачем-то картошку, целый мешок.

Я сидел перед ноутбуком в пустой московской квартире Алены Петровны, смотрел, как полсотни человек за семьсот километров спорят о моем питании, и молчал, потому что говорить мне что-то мешало. Видимо, голод.

— Все, все, отпускаем доктора! — Александра Ивановна поднялась и захлопала в ладоши. — Следующий клуб через неделю, список вопросов я веду, кто не спросил — записывайтесь. Сергею Николаевичу спасибо!

Зал зааплодировал, потянулся к выходу, и я минуты три смотрел, как они прощаются, машут в камеру, надевают шапки. Райка у дверей вытирала шваброй талый снег и светилась так, что было видно даже через мой экран. Завтра, наверное, прочитает письмо.

Когда зал опустел, к ноутбуку Елисея подсел Самарцев.

— Николай Борисович, задержитесь на минуту, — попросил я. — Разговор по вашей части.

— Догадываюсь, — сказал он. — Про Богачеву?

— Про нее. Мне от нее письмо пришло сегодня. Пишет, что после второй дозы ей стало плохо не сразу, а ночью: трясло и рвало. Выпила утром, а накрыло, получается, к ночи. И главное, вот что выяснилось: на ногах ей легче, чем лежа. Ходит по комнате — терпимо, ложится — накрывает. Вам она этого не сказала, потому что побоялась, что отстраните.

Самарцев помолчал, и по его лицу я видел, что он уже прикидывает то же, что и я.

— Отсроченная реакция и зависимость от положения тела, — проговорил он наконец. — Интересно. Очень интересно. Сергей Николаевич, а ведь у той тройки алкашей я ничего такого не спрашивал. Лежали они или ходили — у меня в журнале этого нет.

— Вот именно. Поэтому с завтрашнего дня, Николай Борисович, прошу вас записывать в журнал не только дозу и симптомы, но и часы. Во сколько принял, во сколько накрыло, что делал в этот момент — лежал, ходил, сидел. И дозу Райке на ночь не давайте, пусть пьет с утра, чтобы худшее приходилось на день, когда она на ногах и под присмотром. Дробить ли дозу — решим, когда соберем больше данных. Райка сама к вам завтра придет и все расскажет, я ей велел. Вы уж ее не ругайте.

— Не буду, — проворчал Самарцев. — Ее и не поругаешь. Золото, а не сотрудник! Сегодня весь зал до блеска отдраила, между прочим. С обеда пыхтела. Все переживала, что ты увидишь по видео, что пол грязный, и расстроишься.

— Увидел, что пол чистый, — улыбнулся я. — Передайте ей, что увидел.

Мы попрощались, Самарцев потянулся к ноутбуку и отключился. Я откинулся на спинку стула и посидел немного в тишине. И тут перед глазами развернулось:

Получено очков социальной значимости за заботу о здоровье общины: 220.

На текущем уровне набрано: 4 580 / 11 000.

Надо же, удаленные консультации тоже считаются за благо обществу. А впрочем, какая разница?

С этими мыслями я вернулся к гречке.

И стоял над кастрюлей с ложкой наперевес, когда телефон коротко звякнул. Я, помешивая, открыл сообщение одной рукой.

Писала Нина Шишкина:

«*Сергей, простите за то, что беспокою в поздний час. Инвесторы прилетели раньше, чем планировали, и очень торопятся. Встреча завтра в 10:00, офис на Пресне, адрес пришлю утром. Пожалуйста, подготовьтесь, так как они летели именно ради ваших патентов*».

Я посмотрел на часы: половина первого ночи. Нет, нужно ложиться. Гречка подождет.

Уже засыпая, я подумал: и что же им так не терпится, что они прилетели раньше срока?

Интерлюдия 1. Роман Михайленко

Роман Александрович Михайленко вернулся домой сразу после ученого совета. Еле-еле поднялся по ступенькам, трясущимися руками отпер дверь, тяжело ввалился в квартиру и рухнул на пол прямо в прихожей. Сколько так сидел, бездумно пялясь в стенку, он не помнил.

Резко зазвонил телефон. Он очнулся, дрожащими руками схватил трубку, долго не мог попасть на зеленую кнопку «принять вызов» — звонили из ВЦИОМа по поводу каких-то очередных социологических опросов. Наконец, поняв, что от него нужно, он грубо послал и оборвал оператора на полуслове, затем тяжко поднялся, запер дверь и принялся метаться по квартире. Даже не разуваясь.

— Что делать? Что делать? — в отчаянии бормотал он. — Надо же что-то делать!

И первое, что сделал, — подскочил к бару, вытащил начатую бутылку «Курвуазье» десятилетней выдержки и прямо из горла сделал пару внушительных глотков. Приятное тепло мгновенно разлилось по напряженному телу, смывая острый страх и чуточку притупляя тревогу.

Закрепив успех еще двумя глотками, Михайленко открыл шкаф и из потайного ящика вытащил свои сбережения: пачки долларов и евро, которые, невзирая на научные регалии, продолжал хранить в наличке по бабушкиному методу, в носке. Открыл портфель и принялся как попало скидывать туда наличку.

Затем наступила очередь сейфа. Там Михайленко не держал ничего такого, разве что документы на все три квартиры, на машину, на дачу — они тоже отправились в портфель.

Потом он поддел отверткой край паркета — и целый щит, кусок пола шириной в четыре ладони, поднялся на скрытых петлях. Внутри обнаружилась стальная дверца напольного сейфа. Михайленко нажал на только ему известный рычажок, тоненько щелкнул замок, и дверца отошла. Он привычно сунул внутрь руку и принялся вытаскивать золотые слитки — мелкие, по пятьдесят и сто граммов, он нарочно брал такие, чтобы легко унести и продать по одному, — а потом ювелирные украшения. Михайленко никогда не скупал золотые цацки с камнями, брал только цепочки, браслеты, кольца, в основном обручальные. И сейчас начал судорожно все это скидывать туда же, в портфель. В какой-то момент рука дрогнула, и часть колец, весело подпрыгивая по полу, раскатилась в разные стороны. Михайленко, бормоча проклятия под нос и ползая на коленях, стал все это собирать. Два кольца не нашел, плюнул: черт с ними, жизнь дороже.

Затем метнулся за документами. Кроме обычного паспорта и заграничного, у него был на всякий случай еще один, про который вообще никто не знал.

Когда-то давным-давно Михайленко вытащил его у придурка неудачника, с которым выпивал. Тот тоже был аспирантом, но потом спился, и его выгнали. А дальше парень покатился по наклонной. Все-таки работа санитаром в морге до добра не доводит. Михайленко с легкостью стащил у него паспорт, и с тех пор тот лежал без дела. На фотографии неудачник был похож на молодого Михайленко — на беглый взгляд сойдет: для гостиницы, кассы, там, где сверяют лицо, а не базы. А хватиться владельца некому: этот никуда — ни за границу, ни в ближнее зарубежье — не поедет. Сидит в своем чуланчике и носа не высовывает. Если давно не помер. Пусть лежит паспорт, мало ли.

Потом он вытащил старый кнопочный телефон «Нокиа», который хранился с незапамятных времен и все никак не ломался. Аккумулятор Михайленко пару лет назад поменял на свежий, и с тех пор аппарат изредка подзаряжал — на всякий случай. Вот случай и настал. Сунул туда сим-карту, купленную по тому же украденному паспорту. Михайленко исправно клал за нее небольшие деньги, наличными и только через банкомат, чтобы не вышли на него. Именно на этот номер завтра утром должен был отзвониться исполнитель. Сам позвонить ему Михай-

ленко не мог при всем желании: связь предусматривалась только в одну сторону, так было безопаснее. Значит, и отменять нечего. Михайленко верил, что через кнопочные телефоны еще первых моделей отследить человека совершенно невозможно.

Покончив со всем этим, он вытащил две старинные антикварные книги по медицине, стыренные когда-то на музейной экскурсии, — это тоже пошло в портфель, который ощутимо потяжелел.

Затем Михайленко схватил рюкзак и принялся методично складывать туда самые необходимые вещи, начиная с пары трусов, футболок, запасных джинсов, теплого свитера, носков, а также двух банок тушенки и армейского ножа. Нет, Михайленко никогда не был в армии. Но когда-то его знакомый, который служил вэдэвэшником, вернулся из Афгана и проиграл ему этот нож в карты. Грозился отыграться или откупиться, но Михайленко трофей так и не вернул — самому пригодится.

После этого он достал старый пуховый спальник, который еще в студенческие времена приобрел вместе с другим альпинистским снаряжением. Спальник весил меньше двух килограммов; Михайленко скатал его потуже и приторочил под клапан рюкзака.

Когда со сборами было покончено и портфель с рюкзаком стояли рядышком, Михайленко принялся переодеваться. Надел термобелье, сверху спортивный лыжный костюм — хороший, мембранный, непродуваемый. Трекинговые носки, ботинки — такие, что выдержат любые испытания и любую погоду.

Уже полностью облачившись, схватил свой обычный телефон — «Нокиа» он берег для одного-единственного завтрашнего звонка — и набрал знакомый номер:

— Алло, — сказали на том конце.

— Иван, послушай! Это Роман. Ты в курсе, что сегодня в институте произошло?

— Не звони мне больше! — рявкнул Иван. — Ты скотина. Ты мне что говорил? Что обещал? «Затяни дело Епиходова, а я все устрою наилучшим образом?» И вот до чего ты допрыгался. Твое счастье, если Лысоткин сейчас даст дуба после инфаркта! А если отойдет? Ты хоть понимаешь, что сам под суд пойдешь и нас всех под монастырь подведешь? Тем более Караяннис что-то заподозрил и сейчас зыркает на меня волком!

— Да, я понимаю, но послушай… — заблеял было Михайленко, но в трубке послышались длинные сердитые гудки.

Ну вот и этот отвернулся. Телефон нотариуса Лещенко вообще был вне зоны доступа. На звонки Громыко ответила его жена, точнее, сожительница, которая пьяным голосом сказала, что мужа нет, он уехал в деревню к тете, и непонятно, когда вернется, и попросила больше не звонить.

Поблуждав по квартире, Михайленко готов был уже взвыть, но затем снова приложился к «Курвуазье». На третьем глотке его осенила прекрасная мысль, и он бросился звонить еще:

— Ирина! — закричал он в трубку. — Ириночка! Все пропало! Ты знаешь, что случилось на ученом совете с Лысоткиным?

— Конечно, знаю, — гневно процедила Ирина. — Стефания мне рассказала.

— И что будем делать?

— Откуда я знаю?

— Послушай, Ирина, давай собирайся, я вызову такси, через час буду у тебя, надо отсюда валить. А дальше мы придумаем, что делать…

— Ты что, совсем дурак? — фыркнула Ирина. — Я столько времени потратила на этого старого козла. И что ты хочешь, чтобы я квартиру его придурошной дочке оставила? Не бывать этому. Знаешь, сколько эта квартира стоит? А дача, а все остальное? Иди ты к черту, старый дурак!

— Ты сама подумай. — Михайленко повторил почти слово в слово то, что услышал от Ивана: — Если Лысоткин не крякнется, то сразу же выдаст весь расклад! И про твою роль тоже!

— А у меня нет и не было никакой роли! — рявкнула Ирина, а затем взвизгнула: — Никакой! Заруби это на своем длинном носу. А если меня прижмут, я тебя сразу сдам, ты меня понял?

— А завтрашнее? — понизив голос, спросил Михайленко. — Отменяем?

— Все в силе, — отрезала Ирина. — Теперь тем более. Пусть сначала твоего доктора при свидетелях в дурку увезут. А потом пусть рассказывает про нас что хочет — кто психа слушать будет?

Она бросила трубку.

Михайленко с досады завыл. Ему было обидно и страшно. А затем, размазывая слезы, он схватил портфель и рюкзак и выскочил из квартиры. Дверь за ним сама захлопнулась — возврата в его старую жизнь больше не было.

Михайленко бежал…

Глава 5

Адрес от Шишкиной пришел в девять утра, и без четверти десять я уже стоял в холле стеклянного бизнес-центра на Пресне, разглядывая доску с перечнем арендаторов. Инвестиционного фонда «Гелиос-Мед Капитал» не было. Впрочем, судя по свежим дыркам от шурупов, половину табличек тут недавно меняли, так что делать выводы я пока не спешил.

На восьмом этаже меня встретила девушка с ресепшена, проводила по пустому коридору и открыла светлую переговорную с длинным столом и видом на заснеженные крыши. Комната была идеально отделанная и при этом какая-то нежилая: ни бумаг, ни стаканов с ручками, ни следа человека, который бы тут работал.

Из-за стола мне навстречу поднялся представительный мужчина лет под пятьдесят: дорогой костюм, седые пряди уложены волосок к волоску. Рукопожатие было у него крепкое, отработанное.

— Аркадий Вениаминович Белозерцев, управляющий партнер, — чинно представился он, протягивая визитку. — Сергей Николаевич, наслышаны. Присаживайтесь, прошу.

Я взял визитку, сел и, конечно, посмотрел на него «Познанием сути».

Гнатюк Валерий Петрович, 47 лет

Прозвище: Гнат.

3-й уровень социальной значимости.

Отношение к носителю: Расчет.

Сокрытое: Страх.

Биологический возраст: 54 года.

Так. Приехали. Аркадий Вениаминович, значит. Ну-ну.

Я мысленно перечитал плашку, но она не изменилась: передо мной сидел Валерий Петрович Гнатюк, сорока семи лет, изношенный до пятидесяти четырех и боящийся. Инвесторы на таких встречах бывают жадными, снисходительными, дотошными или скучающими, но вот испуганных среди них не водится, потому что боится на переговорах обычно тот, кто просит денег, а не тот, кто их дает.

Диктофон в кармане я включил еще в лифте, а куртку, садясь, повесил на спинку соседнего стула, микрофоном к столу.

— Итак, Сергей Николаевич, — степенно начал Гнатюк-Белозерцев, раскрывая кожаную папку, — наш фонд внимательно следит за вашей работой. Скажу прямо: нас интересует ваша антивозрастная клиника и патенты. Мы готовы войти серьезно. Очень серьезно.

— Приятно слышать, — так же степенно сказал я. — И что же вы успели изучить?

— Все, Сергей Николаевич, все! — Он разложил передо мной глянцевые листы с диаграммами. — Мы видим колоссальную синергию. Ваши патенты плюс наш капитал — это, поверьте, только начало. Горизонт планирования у нас — десять лет.

Патенты. Вот только полученных патентов у меня не было. Были только поданные заявки, пока еще не рассмотренные, и любой настоящий инвестор, который вел проверку перед сделкой, знал бы это. Я изобразил на лице титаническое почтение к озвученным горизонтам и глубокомысленно покивал.

— Очень интересно, — сказал я. — А что именно вас привлекло? У меня ведь заявок несколько.

— Прежде всего ваш прибор от Паркинсона! — Гнатюк воздел палец. — Готовый продукт! Клиники, франшиза, выход на Эмираты. Паркинсон, Сергей Николаевич, — это же золотое дно.

В заявке стояла система нейростимуляции при фармакорезистентной эпилепсии. Перепутать эпилепсию с Паркинсоном инвестор, который якобы летел в Москву только ради моих разработок, не мог бы даже спросонья, ведь это два разных рынка и два разных прибора.

— А по срокам как? — спросил я тоном самого заинтересованного человека в Москве и добавил жадного блеска в глазах. — Мне в фонде говорили что-то про торги, до середины февраля вроде бы…

— Да какие торги! — воскликнул Гнатюк и даже руками замахал. — Зачем вам эта бюрократия, эти месяцы согласований? Мы работаем напрямую, по-партнерски. Подпишем протокол о намерениях, пожмем руки и уже завтра начинаем работать.

Вот и третья ошибка, самая жирная. Про торги настоящий инвестор не просто знал бы — он бы с них и начал, потому что без торгов ему в моем проекте не принадлежало бы ни процента. Я кивал, поддакивал и наматывал каждую оговорку на ус, а заодно записывал на диктофон.

В дверь постучали, и давешняя девушка появилась с подносом: две чашки чая, сахарница, блюдце с лимоном. Девушка расставила их, улыбнулась и вышла, а я, провожая взглядом, как завораживающе двигаются влево-вправо ее бедра, усилием воли все-таки опустил глаза на свою чашку и изучил ее содержимое.

Чай черный

Состав:

— вода;

— экстрактивные вещества чайного листа — кофеин, полифенолы и дубильные вещества;

— скополамин (гиосцин) — м-холиноблокатор, алкалоид пасленовых.

Взаимодействие с организмом:

— кофеин: мягкая стимуляция центральной нервной системы; повышение бодрости и концентрации;

— полифенолы: антиоксидантное действие и умеренное улучшение функций сосудистого эндотелия;

— дубильные вещества: связывание белков слизистых, уменьшение всасывания негемового железа;

— скополамин: спутанность сознания, психомоторное возбуждение, делирий, утрата памяти на период действия.

Первую строку я проскочил не глядя, ведь чай он и есть чай, — и споткнулся о вторую. Интересно девки пляшут…

Над второй чашкой, у локтя Гнатюка, развернулось другое:

Чай черный

Состав:

— вода;

— экстрактивные вещества чайного листа — кофеин, полифенолы и дубильные вещества.

И все, чисто.

Внутри у меня стало очень тихо и очень холодно, и я услышал собственный пульс.

Скополамин. Бурунданга, дыхание дьявола — то, чем колумбийская шпана поит доверчивых туристов, чтобы те сами выносили им деньги и драгоценности. И вот теперь эта дрянь остывала в фарфоровой чашке, которую заботливо заварили лично для меня в чистой переговорной на Пресне утром обычного московского четверга.

Вот, значит, как выглядят инвесторы, которые «очень торопятся».

Страх кольнул и ушел, а на его место пришла спокойная рабочая злость. Ладно, дорогие мои. Поиграем.

— Аркадий Вениаминович, а покажите-ка мне еще раз вон ту диаграмму, с долями, — попросил я и кивнул на дальний край стола. — Что-то я в ней с первого раза не разобрался.

Гнатюк с демонстративной готовностью развернулся к своим глянцевым листам и принялся выуживать нужный. В эти три секунды его глаза были заняты диаграммой, а мои руки — чашками: я переставил их местами, а сверху, для верности, передвинул к нему сахарницу и блюдце с лимоном, отчего вся картина на столе разом поменялась.

Когда он повернулся обратно с листом наперевес, я был сама невинность.

— Сахарку вам придвинул, — пояснил я. — Я-то сам бросил сахар в чай класть.

— Благодарю, я тоже предпочитаю без сахара, — рассеянно ответил Гнатюк и, заглянув в свой лист, отпил из чашки, которая теперь стояла перед ним.

Я неторопливо, с удовольствием, сделал глоток из своей чистой. Внутри у меня при этом шла короткая и неприятная борьба, потому что врач во мне требовал выбить у него эту чашку из рук, а все остальное понимало: сделаю так — и через неделю такая же чашка будет ждать меня в другом месте, где подменить ее не выйдет. В итоге победила справедливость, потому что нечего рыть яму другому.

— Так что там со структурой сделки? — спросил я, устраиваясь поудобнее. — Вы меня извините, я человек в финансах дремучий, мне надо разжевывать, причем очень подробно. Давайте еще раз и помедленнее: кто входит, какими долями, что остается за мной.

Следующие полчаса, пока скополамин не вступил в действие, я играл роль самого бестолкового ученого Москвы. А то и всей России.

Я переспрашивал, путался в процентах, просил посчитать на бумажке, уточнял, что такое опцион, и рассказывал длинную историю про то, как вложился в санаторий, а мне там зарплату нечем платить персоналу, а ведь тетя Нина такой минтай готовит! Пальчики оближешь!

Гнатюк отвечал все короче, все беспокойнее поглядывал на часы и от нервов прикладывался к своей чашке раз за разом, пока не выпил все до капли.

Я тем временем вел совсем другой отсчет — врачебный. Гнатюк провел языком по губам: пошла сухость во рту. Через несколько минут он потянул воротник, потому что его начало печь изнутри. Зрачки я проверил сам: нарочно попросил показать мне цифры в папке, наклонился и посмотрел — расширенные настолько, что от радужки осталось тонкое кольцо, и это в комнате с ярким зимним светом. На скулах у него проступил румянец, а пульс на шее зачастил так, что я видел его даже со своего места.

Классическая картина разворачивалась как по учебнику, и самое интересное было уже близко.

— Душновато здесь, — глухо пробормотал Гнатюк и расстегнул верхнюю пуговицу. — Воды бы…

— Сейчас организуем, — пообещал я и не двинулся с места. — Аркадий Вениаминович, а вы хорошо себя чувствуете? На вас лица нет.

Гнатюк посмотрел на меня, и я увидел, как он пытается сфокусироваться и не может — и тут же его взгляд соскользнул куда-то в сторону. Он открыл рот, закрыл, потер лоб. Ручка, которой он весь разговор черкал по листам, выкатилась из пальцев, а он не заметил.

— Жарко, — сказал он неожиданно жалобно. — И во рту… как песка насыпали.

Я поднялся, обошел стол и присел рядом на корточки так, чтобы наши глаза были на одном уровне. Дальше я заговорил как врач, ровно и спокойно, не оставляя места для спора:

— Посмотрите на меня, Аркадий Вениаминович. Вот так. Как вас зовут?

— Валера… Валерий Петрович, — сказал он и моргнул. — Гнатюк.

Плашка не соврала. Значит, поплыл. Сыворотки правды из скополамина, что бы ни писали в шпионских романах, не выходит. Человек не обязательно начинает говорить правду, но перестает прятать свои секреты, и они вываливаются наружу вперемешку с бредом.

Отделять одно от другого предстояло мне, а подтверждать — уликам, которые соберут ребята Владимира.

— Хорошо, Валерий Петрович. Что было в чае?

— Порошок… — доверчиво ответил он и вдруг забеспокоился: — Листы не помялись? Мне листы сдавать…

— Листы целы, — заверил я. — Что за порошок? Что вы должны были сделать?

— Сказали, что порошок без вкуса… действует наверняка… — Он хихикнул. — Сказали, как вы выпьете, так сразу и поплывете. А я позвоню. Куда?.. — Он задумался и просиял: — Номер в кнопочном. Второй телефон, кнопочный… отзвониться, как доктора увезут. Какого доктора?

— Меня, Валера. Я доктор. Куда меня должны были увезти?

— Так скорая же внизу… своя… — Он поискал что-то глазами по потолку. — К главному повезут. У главного там все готово. Койка, бумаги… комиссия у него своя, сказали, оформят как надо… Кондрат Зигмундович — голова… Типа доктор сошел с ума, вальтанулся, забредил прямо на переговорах, вот и девушка подтвердит, что доктору стало плохо… Кто психа слушать будет?

Я слушал и молчал, и диктофон в куртке на соседнем стуле слушал вместе со мной.

— Кто тебе это поручил, Валера? — спросил я тем же ровным тоном.

— Роман Александрович… — выговорил он нежно имя заказчика. — Михайленко. Ух, серьезный человек! Он и проинструктировал, что доктор должен сорваться прилюдно… не дома, не в подъезде где-то там, а на виду у всех… — Тут его унесло, он побормотал что-то про «Хавал», с которого его кореш Жека меня пас, и про гостиницу с завтраком, потом посмотрел сквозь меня и вернулся: — Короч, при людях чтоб. Чтобы все видели. Забашляли ого-го! Там аванса одного хватит на хату в Перми!

— А деньги откуда? — спросил я.

— А деньги… — Гнатюк хихикнул, и мне стало ясно, что времени у нас все меньше: за эйфорией пойдет каша. — А деньги-то бабские! Вдова одна бешеная… я ее не видел… Роман Александрович рассказывал… Требование у нее было отдельное, чтобы у всех на глазах… чтобы в дурку… и чтобы по Москве потом говорили, что у доктора крыша протекла… Ха-ха! Пусть, говорит, все видят, какой он… Вот же стерва…

Он еще что-то бормотал, но я уже не слушал. Вдова? Имени он не назвал, да оно и не требовалось, я знал только одну вдову, от которой на днях ушел, хлопнув дверью. Она же как раз говорила мне в лицо, что мешающих людей жизнь обычно убирает сама. Жизнь, значит. С доставкой в чашке. Ну-ну.

Больше работать было не с чем, все и так понятно. Да и времени своего жалко, сколько еще впереди нужно сделать!

Я вытащил телефон и набрал Владимира.

— Владимир Николаевич, Епиходов. Пресня, бизнес-центр «Октябрьский», восьмой этаж, переговорная. Человек по фальшивой визитке час назад попытался напоить меня скополамином, я поменял чашки, он выпил сам и сейчас рассказывает мне, кто его послал. Действующие лица все те же — вдова и толстяк. Диктофон все записал. Внизу, вероятно, дежурит скорая, которая не скорая.

— Дверь закрой изнутри и никого не впускай, — чуть подумав, сказал Владимир. — Ничего не трогать, чашки не мыть. Скорую снизу примем сами. Пятнадцать минут. И это, Сергей… не геройствуй, понял?

— Да тут нет поля для геройства, — ответил я, глядя, как Гнатюк пытается поймать ускользающую от него ручку. — Тут теперь врач нужен.

И это было чистой правдой. Что бы этот человек ни собирался со мной сделать, сейчас у него разгонялся пульс, который дошел уже до ста тридцати, ползла вверх температура, и доза, рассчитанная на мои сто с лишним килограммов, гуляла по его сосудам.

Заперев дверь, я расстегнул ему воротник, стянул с него пиджак и уложил пострадавшего на пол на бок, подсунув валик под голову. Потом приоткрыл окно и остался сидеть рядом на корточках и внимательно следить за жизненными показателями, выдаваемыми Системой. Оказывать первую помощь собственному отравителю мне за две жизни еще не приходилось. Впрочем, пациент есть пациент, а счеты с ним будут сводить другие люди и в другом месте.

Группа Владимира уложилась в двенадцать минут. Приехали двое в штатском, которые с порога развернули удостоверения и принялись оформлять осмотр по всем правилам, с понятыми из охраны бизнес-центра, врач с чемоданчиком и сам Владимир Николаевич — в пальто, без шапки, и такой спокойный, будто заехал за забытыми документами.

Врач поставил Гнатюку катетер и прицепил к нему переносной монитор, а штатские упаковали и опечатали чашки, термос, найденный в комнатке за дверью, папку и оба телефона.

Рыдающую девушку с ресепшена, доложили Владимиру, уже допрашивали. По ее словам, она разлила чай из хозяйского термоса и знать не знала, что там. Вот только почему тогда в одной чашке был скополамин, а в другой — нет? Сообщница.

Липовую скорую взяли там же, у подъезда, тихо и без пыли вместе с водителем и «фельдшером».

Про второй телефон, кнопочный, Гнатюк успел рассказать сам: с него полагалось «отзвониться, когда доктора увезут».

— Вот с него и отзвонимся, — сказал Владимир, выслушав. — Сами. И скажем ровно то, что им полезно услышать.

Он отвел меня к окну и молча протянул руку. Я достал из куртки диктофон. Владимир отмотал, послушал с минуту: про скорую, про Кондрата Зигмундовича, про Романа Александровича, про вдову, — перекачал запись себе тем же манером, как когда-то излияния Лещенко, напрямую, не гоняя по сети, и вернул диктофон мне. При этом он сделался одновременно мрачным и довольным. Такие лица я видел у хирургов, вскрывших наконец гнойник, который неделю искали.

— Ну вот и цепочка, — сказал он. — Исполнитель, вещество, канал, заказчики. Он в токсикологию сейчас отправится под охраной, а как очухается, подпишет то же самое уже протоколом, потому что эта публика за чужой заказ сидеть не будет и выдаст все, что знает и не знает. Болтовня под веществом не доказательство, зато телефоны, деньги и психбольница твоего Кондрата — доказательство, и на это мне нужно несколько дней.

— И что дальше? — спросил я. — Он ведь не отзвонится по-настоящему. Они поймут.

— Поймут, — согласился Владимир. — Но позже, чем ты думаешь, ибо сначала мы им с кнопочного доложим, что все идет по плану. А когда исполнитель для них все-таки «пропадет», они занервничают и начнут чистить хвосты и жечь связи. Паника, Сергей Николаевич, работает на нас, ведь паникующий человек делает ошибки, а нам их промахи нужны задокументированными. Твоя задача — не подтверждать их страхи. Живи открыто и никому ни слова: ни Терновскому, ни дочери академика, ни в свои Морки об этом не звони. У тебя завтра, я слышал, съемка на Первом?

— Э… — растерялся я. — Мне ничего об этом не известно. Откуда…

— Оттуда, — усмехнулся Владимир. — Если еще не позвонили, значит, позвонят. Вот и иди сниматься. Свети лицом на всю страну. Улыбайся. Для них ты ничего не понял, усек? Встреча не сложилась, инвестор оказался жуликом, бывает. Лучшего прикрытия, чем твоя физиономия в телевизоре, не придумаешь.

Уже в дверях, пропустив вперед носилки с Гнатюком, он обернулся.

— То, что чашки догадался заменить, молодец. Даже не буду спрашивать, как додумался.

— Случайно вышло, — смутившись, сорвал я.

— Значит, интуиция хорошо развита. И про скополамин то, что сразу понял, впечатляет. Из тебя бы вышел толк. Не хочешь к нам?

— Из меня уже вышел нейрохирург, Владимир Николаевич, — сказал я, и Владимир хмыкнул так, что я не понял, засчитал он ответ или нет.

Когда все уехали, я постоял с минуту в опустевшей переговорной, где от встречи не осталось уже ничего, кроме сдвинутых стульев, взял куртку и пошел вниз.

В лифте перед глазами развернулось:

Получено очков социальной значимости за этический выбор: 240.

На текущем уровне набрано: 4 820 / 11 000.

Этический выбор. Надо же. Я-то думал, что просто делал свою работу: сначала не дал себя отравить, потом не позволил отравителю умереть. Впрочем, спорить с Системой о терминах было бессмысленно, ей виднее.

На улице густо валил мокрый снег. Детвора в одном из дворов с радостными визгами лепила снеговика. Я шел к метро пешком, дышал морозом и по дороге позвонил Нине Шишкиной.

— Сергей Николаевич, ну как? — узнав, оживленно спросила она. — Как прошло? Они уже подписали протокол о намерениях?

— Нина Аркадьевна, встреча не состоялась, — сказал я, изобразив крайнее расстройство и разочарование. — Увы. Эти люди оказались не от фонда. Жулики, каких много. Вы ни в чем не виноваты, ведь они сами на вас вышли, вы их знать не могли. Просто на будущее прошу так сделать, чтобы никаких встреч до официальных торгов, и если кто-то еще позвонит от моего имени или от имени инвесторов, согласовывайте со мной, пожалуйста, а то мало ли…

Она ахала, извинялась, грозилась «немедленно доложить в дирекцию», и я минут пять убеждал ее, что доклад подождет до понедельника, а грант никуда не делся и торги в феврале никто не отменял. Убедил, кажется, наполовину.

Но стоило мне убрать телефон в карман, как он тут же звякнул снова.

Писала Таисия Милославская: «*Сергей Николаевич, мне передали, что вы согласны. Простите, что сразу не связалась, замоталась. В общем, жду вас завтра к десяти, Останкино, пропуск закажу. Готовьтесь: будет сюрприз*».

Я остановился посреди тротуара, и вокруг меня ворча потекли прохожие. После сегодняшнего утра слово «сюрприз» разонравилось мне, подозреваю, навсегда.

Что же там приготовила Милославская?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.